

С Е Р И Я

П О Л И Т И Ч Е С К А Я

Т Е О Р И Я

DEMOCRACY
and MEDIA
DECADENCE

JOHN KEANE

ДЕМОКРАТИЯ И ДЕКАДАНС МЕДИА

ДЖОН КИН

Перевод с английского
ДМИТРИЯ КРАЛЕЧКИНА

Второе издание

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2020

УДК 321.7:659
ББК 66.0
К41

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
АРТЕМ СМИРНОВ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Кин, Дж.

К41 Демократия и декаданс медиа [Текст] / пер. с англ. Д. Кра-
лечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Выс-
шая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей
школы экономики, 2020. — 312 с. — (Политическая тео-
рия). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2162-5 (в пер.). — ISBN
978-5-7598-2061-1 (e-book).

Мы живем в революционную эпоху коммуникационного изобилия, ког-
да многие инновации в области медиа, начиная со спутникового вещания
и заканчивая умными очками или электронными книгами, вызывают не-
малое восхищение. В политической сфере большие надежды возлагаются на
цифровую демократию, киберграждан и электронное правительство. Автор
считает, что во многих весьма важных отношениях коммуникационное изоб-
илие радикально меняет очертания нашей жизни и нашей политики, как
правило, в лучшую сторону. Однако он поднимает вопрос, почему так мало
внимания уделяется тревожным противоположным тенденциям, декадент-
ским процессам в области медиа, которые поощряют общественное молча-
ние и концентрацию неограниченной власти, ослабляя тем самым дух и силы
демократии. Исследуя примеры сложного государственного надзора, рыноч-
ной цензуры, тактик раскручивания и теневого пиара, Кин пытается понять
эти тенденции, выяснить, как лучше всего работать с ними, и утверждает, что
«декаданс медиа» наносит значительный вред общественной жизни.

УДК 321.7:659
ББК 66.0

В оформлении обложки использован фрагмент картины Константина
Батынкова «Цирк»

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-2162-5

ISBN 978-5-7598-2162-5 (в пер.) © John Keane 2013
ISBN 978-5-7598-2061-1 (e-book) Published in the United States
ISBN 978-1-107-04177-6 (англ.) of America by Cambridge University
Press, New York
© Перевод на рус. яз. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015; 2020

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ.....	7
I. КОММУНИКАЦИОННОЕ ИЗОБИЛИЕ.....	8
НОВШЕСТВА.....	17
ДИКИЕ ИДЕИ.....	27
ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ.....	37
GOOGLE.....	42
НОВАЯ ПУБЛИЧНОСТЬ.....	46
НОВОЕ МАКРЕКЕРСТВО.....	56
WIKILEAKS.....	70
НЕИЗБРАННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ.....	74
ТРАНСГРАНИЧНАЯ ПУБЛИКА.....	86
II. МОНИТОРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ.....	101
МОНИТОРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ.....	106
ОДИН ЧЕЛОВЕК, МНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.....	111
ВОЗМОЖНЫЕ НЕДОРАЗУМЕНЕНИЯ.....	116
КАКОВЫ ПРИЧИНЫ МОНИТОРНОЙ ДЕМОКРАТИИ?.....	125
КОММУНИКАЦИОННОЕ ИЗОБИЛИЕ.....	132
III. ДЕКАДАНС МЕДИА.....	141
ПОБЕДИТЕЛИ И ПРОИГРАВШИЕ.....	144
ДЕКАДАНС МЕДИА.....	152
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ: УЛЫИ И ЭХО-КАМЕРЫ... ..	156
БЕССМЫСЛЕННЫЙ ФЛЕЙМ.....	161
ДЕТСТВО.....	167
НОСТАЛЬГИЯ.....	170

ХАКЕРСТВО	180
ЗАКРЫТЫЕ СООБЩЕСТВА	189
НИЖНИЙ МИР ГИПЕРССЫЛОК	193
ПРИНЦИП МАЙНОТА	205
МЕДИАМАГНАТЫ	208
АБУ-ДАБИ	214
МЕДИАКРАТИЯ	219
КУРАТОРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	230
ОТНОШЕНИЯ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ	234
... И ЛОББИРОВАНИЕ	236
IV. ПРОТИВНИКИ ДЕМОКРАТИИ	243
ГЛЯДЯ НАЗАД, ГЛЯДЯ ВПЕРЕД	244
КИТАЙСКИЙ ЛАБИРИНТ	249
ЛОШАДКА ИЗ ТРАВЫ И ГРЯЗИ	257
БАЛАНСИРОВАНИЕ НА СКОЛЬЗКОМ ЯЙЦЕ	264
V. ЗАЧЕМ НУЖНА	
СВОБОДА ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ?	269
ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ?	270
СВОЕВОЛЬНАЯ ВЛАСТЬ	277
СКРЫТАЯ ВЛАСТЬ	279
ВЛАСТЬ МОЛЧАНИЯ	284
МОЛЧАНИЕ	288
КАТАСТРОФЫ	291
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	297
СВОБОДА КОММУНИКАЦИИ:	
НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ	301

БЛАГОДАРНОСТИ

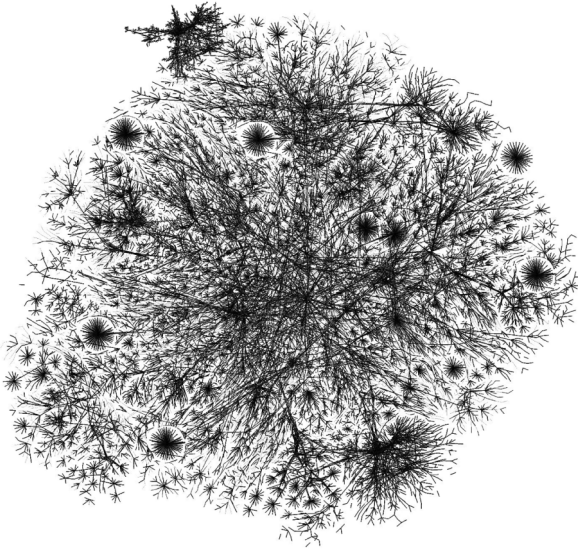
Я выражаю искреннюю признательность за общую поддержку исследования, оказанную Университетом Сиднея, Берлинским научным центром социологических исследований (Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, WZB), Европейским советом по научным исследованиям (ERC Project), центром «Медиа и демократия в Центральной и Восточной Европе» Оксфордского университета.

I. Коммуникационное изобилие

В начале была первая в истории всемирная спутниковая трансляция — с Beatles, Марией Каллас, Маршаллом Маклюэном, Пабло Пикассо, — которую посмотрели в прямом эфире до 400 млн человек. Выглядело это так: высоченные мэйнфреймы и централизованные системы обмена сообщениями, которые многочисленные пользователи отправляли со своих удаленных коммутируемых терминалов, уже существовавших в те времена. Затем появились сервисы электронной почты, факсы, фотокопировальные машины, видеомагнитофоны и персональные компьютеры. Сегодня у нас есть электронные книги, облачные вычисления, сканеры, умные часы и умные очки, твиты, сотовые телефоны, превратившиеся в спутниковые навигаторы, музыкальные инструменты и многопользовательские видеочаты. Даже изобретателям неясно, что будет дальше, однако эти и другие изобретения в сфере медиа, вышедшие на рынок только в последние десятилетия, убедили многих в том, что мы живем в революционную эпоху коммуникационного изобилия.

В соответствии с духом революции и историей всех прежних переворотов в способах коммуникации увлеченность, смешанная с возбуждением, подогревает смелые разговоры о преодолении телевидения, исчезновении печатных газет, вымирании бумажных книг и даже о конце грамотности в том виде, в каком она нам известна. В эпицентре этой революции — почти всеобщая уверенность в том, что время дефицита эфирных частот, массового широкого вещания, предсказуемых национальных аудиторий прайм-тайма прошло и что всему этому идет на смену изобилие частот, фрагментированное узкое вещание и менее предсказуемые аудитории «длинного хвоста»¹. Революционная эпоха коммуникационного изобилия, символизируемая Интернетом, изображения которого сильно напоминают снежинки (илл. 1), структурируется новой мировой системой перекрывающихся и взаимосвязанных медиаустройств. Впервые в истории

¹ Наиболее известной работой является книга Криса Андерсона: *Anderson C. The Long Tail, or Why the Future of Business Is Selling Less of More.* N.Y.: Hyperion, 2006 (рус. пер.: *Андерсон К. Длинный хвост. Новая модель ведения бизнеса.* М.: Вершина, 2008).

Илл. 1. Компьютерное изображение (splat map) глобального интернет-трафика; закрашено по адресам интернет-провайдеров. Автор — Джованни Наварриа (Giovanni Navarria)

эти устройства, созданные на базе дешевых микропроцессоров, объединяют тексты, звуки и образы в цифровой, компактной, легко хранимой, воспроизводимой и транспортабельной форме. Коммуникационное изобилие позволяет отправлять и получать сообщения через многопользовательские интерфейсы в заданное время (как реальное, так и с отсрочкой) в рамках модульных, но в конечном счете глобальных сетей, которые доступны и в финансовом отношении, и физически нескольким миллиардам людей, рассеянным по всему земному шару.

Потенциал этого нового способа коммуникации впечатляет, однако нельзя слепо переоценивать его разрушительную силу и его положительные последствия. Коммуникационное изобилие не приведет к раю на Земле. Большинство людей «участвует» в этой глобальной коммуникационной революции лишь косвенно. Неумолимые факты коммуникационной бедности нельзя игнорировать: большая часть мирового населения (сегодня приближающегося к 7 млрд человек) все еще слишком бедна, чтобы купить книгу; по крайней мере треть никогда не звонила по те-

лефону, и только у трети есть доступ к Интернету, картина распределения которого отличается крайней неравномерностью и значительным разрывом между теми, у кого есть доступ к его инструментам и техникам, и «интернет-спецами»². В средах, наиболее насыщенных медиа, например, в обществах Исландии, Южной Кореи и Сингапура, цифровые границы, определяемые возрастными, половыми, классовыми, национальными и физическими различиями, видны невооруженным глазом. Даже среди молодежи, которая в богатых обществах считается наиболее грамотной в цифровом отношении стратой населения, социальное неравенство в доступе и способах применения цифровых медиа просто поражает³.

Все эти моменты должны отрезвлять нас. Тем не менее происходящая ныне революция в области коммуникаций — это всемирный феномен, который ставит под вопрос обычные разговоры о разделении между бедными и богатыми, между Севером и Югом. В самых разных регионах наблюдается взрывной рост информационных потоков. В глобальном масштабе сегодня, по общим оценкам, каждый день возникает 2,5 квинтильона новых данных; примерно 90% существующих сегодня данных были созданы за последние два года; ожидается, что в период до 2020 г. благодаря все более расширяющемуся использованию смартфонов, планшетов, социальных сетей, электронной почты и других форм цифровой коммуникации глобальный объем цифровой информации будет удваиваться каждые два года. Под влиянием подобной динамики некоторые локальные тренды приводят к весьма странным результатам: например, мобильные телефоны сегодня для африканцев доступнее, чем чистая питьевая вода; в Южной Африке, отличающейся наиболее энергичной на континенте, хотя все еще страдающей от сильного социального неравенства экономикой со значительной долей (примерно 40%) людей, живущих в бедности, агрегированное использование мобильных телефонов резко выросло в последнее десятилетие.

² См. различные подборки данных и иллюстраций на сайте: <www.internetworldstats.com/stats.htm>. Время доступа — 10 января 2012 г.

³ *Witte J.C., Mannon S.E.* The Internet and Social Inequalities. N.Y.: Routledge, 2010; *Nakamura L.* Digitizing Race: Visual Cultures of the Internet. Minneapolis: University of Minneapolis Press, 2008; *Livingstone S., Helsper E.* Gradations in Digital Inclusion: Children, Young People and the Digital Divide // *New Media & Society*. 2007. Vol. 9. P. 671–696.

тие — более чем в четыре раза (примерно с 17% в 2000 г. до 76% в 2010 г.), так что теперь значительная часть южноафриканских граждан отдает мобильным телефонам (если они им по карману) приоритет перед радио, телевидением или персональным компьютером⁴. В других странах, даже столь разных, как Индия, США, Южная Корея и страны Европейского Союза, все больше данных, указывающих на то, что многие люди постоянно ощущают сдвиг и в то же время прогресс в способах коммуникации, влияющий и на бытовые мелочи. Нравится это людям или нет, старые привычки, связанные с широкоэшелательными средствами информации, отмирают, а кое-где они уже умерли и похоронены. Показательным примером является Индия: до 1991 г. в стране был только один государственный телеканал, однако последующее быстрое распространение независимых спутниковых каналов привело не только к умножению числа новостных каналов, но и к появлению иных жанров, среди которых — регулярные ток-шоу на политические темы, мультфильмы и кукольные постановки с элементами политической сатиры, ежедневные опросы общественного мнения через СМС-сообщения. И все это сопровождается распространением «гражданских журналистов», которые отсылают свои видеоклипы через компьютеры и мобильные телефоны⁵. В Индии, как и в других демократических странах, радио, телевидение и обычная болтовня все еще остаются главными источниками новостей и развлечений для многих граждан; в разных частях света это единственные доступные средства информации. Однако в эпицентре коммуникационного изобилия массовая аудитория, постоянно следящая за широкоэшелательными радио- и телепередачами, стала исключением. Вместо нее развиваются многочисленные аудитории разных форм и размеров, которым помогают распределенные коммуникации, радикально увеличивающие возможности выбора: теперь люди

⁴ Оценки роста информационных потоков основаны на недавних исследованиях IBM и International Data Corporation. См. данные, представленные в: *Technology Revolution Moves Mountains of Data // International Herald Tribune*. 2013. 10 June. P. 1, 8; данные по Южной Африке взяты из: *Hutton J. Mobile Phones Dominate in South Africa*. 2011. <<http://blog.nielsen.com/nielsenwire/global/mobile-phonesdominate-in-south-africa>>. Время доступа — 22 сентября 2011 г.

⁵ *Mehta N. Television in India: Satellites, Politics and Cultural Change*. L.; N.Y.: Routledge, 2008.

могут выбирать, когда, каким образом и на каком расстоянии общаться друг с другом.

Революция коммуникаций, которая дала миру телеграф и телефон, вызвала небывалое оживление. На тематических панно в Бостонской библиотеке, выполненных знаменитым художником XIX в. Пюви де Шаванном, телеграф и телефон изображены в виде двух женских фигур, которые витают над электрическими проводами; подпись гласит: «При чудесном содействии электричества речь мчится через пространство и с быстротой молнии доносит до нас волны хороших и плохих новостей». Коммуникационное изобилие вызывает схожее с переданным на этой картине горячее ощущение брожения и жара. Кажется, что настоящее отягощено радикальной неопределенностью, не позволяющей предугадать будущие тренды.

Рассмотрим несколько небольших примеров, среди которых процессы в секторе коммерческой музыки, где (как утверждают представители индустрии) авторское право на какое-то время было аннулировано простыми технологиями воспроизведения и бесплатными методами электронной загрузки, которые грозят свести на нет доходы звукозаписывающих компаний. Кассета видеомэгафона пришла на смену грампластинке, но вскоре ее заменил компакт-диск, которому сегодня тоже нашлась замена — mp3-плееры. Или посмотрите на то, что происходит в области электронных книг. Несмотря на заверения тех, кто считал, что «книга — это как ложка, молоток, колесо или ножницы: после того, как они были изобретены, ничего лучшего уже не придумаешь»⁶, производители планшетных устройств для чтения и сетевые продавцы бумажных и электронных книг оказывают значительное давление на ценообразование и методы распространения традиционных для книгоиздания бизнес-моделей. Как и в случае бесплатной или дешевой музыки, загружаемой из сети, книги, поставляемые в цифровой форме, вызывают серьезные вопросы — но уже не о том, какую роль в будущем будут играть традиционные книгоиздатели, а о том, останутся ли книги в той или иной форме и избирательное

⁶ Умберто Эко в разговоре с Жаном-Клодом Карьером: *Eco U., Carrière J.-C. This is Not the End of the Book: A Conversation about the Past, Present and Future.* L.: Harvill Secker, 2011. P. 4 (рус. пер.: Эко У., Карьер Ж.-К. Не надейтесь избавиться от книг! СПб.: Симпозиум, 2010).

«чтение ради чтения» важным средством извлечения смысла из жизненных впечатлений, лучшим и наиболее приятным противоядием от бесчувственности скучной и пустой жизни в эпоху мультимедийных развлечений⁷. Потрясения и сдвиги заметны и в мире газет, где ряд факторов — падение рекламных доходов, слияния и поглощения, независимая гражданская журналистика, конкуренция со стороны электронных устройств и меняющиеся общественные представления о новостях и развлечениях — вызвали глубокую обеспокоенность будущим массовых бумажных газет. Некоторые комментаторы даже предсказывают, что со временем они полностью исчезнут с уличных развалов, из кафе и с кухонных столов.

Беспокойную возбужденность, вызванную наступлением коммуникационного изобилия, часто сложно истолковать; предсказания экспертов оценить также достаточно трудно. С определенной долей уверенности можно сказать, что мириады изменений в сфере коммуникаций предвещают исторический сдвиг, которым завершится эпоха широкого теле- и радиовещания на ограниченном числе эфирных частот. Ушли те времена, когда, как, например, в 1950-х, транслировавшийся по американскому телевидению ситком «Я люблю Люси» смотрели более чем 70% семей, имевших телевизоры, или когда еще больше семей (примерно 83%) смотрели выступление Элвиса Пресли в «Шоу Эда Салливана». Остались в прошлом дни (которые я помню), когда дети играли с самодельными телефонами из консервных банок, соединенных проволокой; больше не бывает вечеров, когда детей сначала загоняли бы в ванную комнату, чистили им уши, а затем, одев в халатики и усадив на диван, заставляли бы в полном молчании слушать радио. Порой прямые телевизионные трансляции (спортивных состязаний, политических событий, катастроф и конкурсов певцов) еще соединяют разрозненные аудитории, однако воспоминания об эпохе массового широкого вещания и его различных средствах коммуникации быстро выветриваются.

В гуще современной революции у людей больше нет телефонных справочников, и они не запоминают номера телефонов

⁷ См.: *Jacobs A. The Pleasures of Reading in an Age of Distraction. Oxford: Oxford University Press, 2011*; преемственность между бумажными книгами и электронными подчеркивается в работе: *Piper A. Book Was There: Reading in Electronic Times. Chicago: University of Chicago Press, 2012.*

наизусть. У большинства людей уже не бывает случаев, когда бы их волновал заранее заказанный телефонный звонок в другой город. В старых документальных фильмах можно увидеть интервью с людьми, которые смотрят в камеру с нервной враждебностью, но теперь такого не бывает; камеры, раньше считавшиеся инструментом вторжения в личную жизнь, сегодня стали своеобразными усилителями значимости каждого. При упоминании о радио можно ожидать лишь смешков; и никто не думает о том, что бакелитовое ламповое радио является источником ретронима, используемого для описания беспроводных соединений различных стационарных и переносных устройств связи, как больших, так и малых. Печатные машинки встречаются только в магазинчиках сувениров. Пейджеры почти забыты. Старые шутки о телевидении, которое называли жевательной резинкой для глаз и «средним» (*medium*), поскольку оно не является ни редким, ни высококачественным, сегодня кажутся плоскими. Даже «диванный овощ» представляется фигурой из далекого прошлого. Немногие люди задумываются о превращении слова «text» в глагол*. Написание и получение рукописных писем и почтовых открыток стали редким ностальгическим удовольствием, а такие формальные прощания, как «Искренне Ваш» или «С совершенным почтением», давно уступили место выражениям вроде «всего наилучшего», «спасибо», «мои поздравления» или просто пробелу.

У многих занятых, хорошо образованных людей почти не бывает свободного времени; быстро приходит в упадок искусство ничегонеделания или созерцания видов из окна; та же судьба постигла еще одно древнее удовольствие, по крайней мере если говорить о людях, которые могут его себе позволить, — чтение хорошей книги, с которой можно забраться под одеяло. То же самое можно сказать об одиноких прогулках по парку без самсунга в руке или айпода, вставленного в ухо. Вскоре после публикации этой книги приводимые в ней примеры будут казаться устаревшими, на смену им придут (к примеру) мобильные телефоны с лазерными клавиатурами и голографическими дисплеями или миниатюрные компьютеры, которые будут носить как ручные часы, но все это лишь подтвердит общий тренд. В крайне разных условиях Сеула, Лондона и Мумбаи на-

* to text — отправлять СМС-сообщения, «эсэмэсить». — *Примеч. пер.*

блюдается одна и та же картина: многие офисные работники подтверждают то, что обеденное время они тратят на быстрый перекус, совмещаемый с просмотром электронной почты или Интернета, а не на физический отдых от рабочего места; члены семей говорят, что совместный просмотр телевизора, если не брать спортивных программ и реалити-шоу, больше не способен соперничать с магнетическим притяжением мобильных телефонов, планшетов и настольных компьютеров; а подрастающее поколение, встраивающееся в общее движение, не вынимая айпода из ушей, ежедневно и еженощно проводит по несколько часов в Интернете, обычно связываясь друг с другом с помощью мобильных приложений, охватывающих все закоулки так называемого виртуального мира.

Ключевым маркером общего тренда мультимедийного насыщения выступают заметные изменения в содержании и доставке новостей⁸. Коммуникационное изобилие вызывает в обществе споры о будущем газет в их печатном виде. Защищая их, некоторые комментаторы настаивают на том, что хотя газеты теряют свои доходы, отбираемые у них сетевыми ресурсами, газетные журналисты, работающие в хорошо оборудованных новостных редакциях с налаженными связями, остаются «моторами контента» (как говорят американские журналисты) для радио с участием слушателей, телевизионных новостных шоу, блогов и твитов. Аргумент неплох, поскольку такие газеты, как «New York Times», «El País» и «Yomiuri Shimbun» (японский ежедневник, который считается наиболее массовой газетой во всем мире), скорее всего, не уподобятся вымирающим динозаврам. Несомненно, остается пространство для их перестройки и подгонки под сетевые форматы — например, за счет комбинации подписной системы и рекламы, позволяющей доставлять новости на планшеты.

Однако в эпоху коммуникационного изобилия экология производства новостей и их оборота претерпевает быстрые изменения⁹. Новостные источники и потоки диверсифицируются и

⁸ См., например: *Downie L., Jr., Schudson M. The Reconstruction of American Journalism // Columbia Journalism Review. 2009. 19 October.*

⁹ *Schudson M. On Journalism and Democracy: Tocqueville's Interesting Error. Публичная лекция, прочитанная в Центре исследований демократии (Centre for the Study of Democracy) в Лондоне 3 февраля 2010 г.*

множатся. Симптоматичным представляется то, что многие хорошо разбирающиеся в медиа молодые люди в столь различных странах, как Южная Корея, Сингапур и Япония, более не обращают внимания на «пакетные» источники новостей; они не слушают сводки новостей по радио и не смотрят новостные передачи по телевидению. Гегель однажды записал в своем дневнике мысль, ставшую впоследствии знаменитой: «Чтение утренней газеты — это утренняя молитва реалиста. В ней мы ориентируем себя по отношению ко всему миру *в целом*»¹⁰. Цифровое поколение, как его иногда называют, делает все иначе. Оно отказывается от старой привычки извлекать из утренней газеты самую свежую информацию, хотя раньше (в начале 1960-х) такая привычка была у четырех из пяти американских граждан. Теперь любимыми источниками новостей стали интернет-порталы. Дело не в том, что молодое поколение не интересуется новостями — напротив, ему нужны горы новостей, по первому требованию, в моментальной, но «не пакетной» форме, новости, которые доставляются иначе, т.е. не только по утрам, но весь день и всю ночь.

Неудивительно, что под давлением столь значительного количества перемен многие наблюдатели, даже из самой газетной индустрии, стали предупреждать о грядущем исчезновении газет. Они указывают на постоянно растущее число данных, подтверждающих то, что традиционные модели газетного бизнеса приближаются к критической отметке, поскольку их тянут вниз сетевые конкуренты (такие как YouTube, позволяющий делиться видеоматериалами в реальном времени, и Twitter) и значительное падение доходов от частных объявлений и иллюстративно-изобразительной рекламы¹¹. Другие наблюдатели специально дают бредовые комментарии, призванные шокировать, — например, о том, что за два года до 2009 г. аудитория газет в США упала на 30%, исчезло более 160 крупных изданий и было уни-

¹⁰ Miscellaneous Writings of G.W.F. Hegel / J.B. Stewart (ed.). Chicago: Northwestern University Press, 2002. P. 247; об исходе молодежи из традиционной газетной культуры см.: The State of the News Media: An Annual Report on American Journalism // Pew Project for Excellence in Journalism. Washington, DC, 2008.

¹¹ Fallows J. How to Save the News // Atlantic Magazine. June 2010; Varian H. A Google-Eye View of the Newspaper Business // The Atlantic. 2011. 10 May.

чтожено 35 тыс. рабочих мест; они же предсказывают, что при сохранении актуального тренда в США после 2043 г. газеты вообще не будут печататься¹². Более умеренные наблюдатели указывают на то, что, хотя заметны определенные тревожные процессы (например, менее 20% американцев в возрасте от 18 до 34 лет читают ежедневную прессу), общие тренды намного сложнее; тем не менее они согласны с тем, что в сравнении с канувшей в прошлое эпохой представительной демократии, когда печатная культура и аудио-визуальные медиа ограниченного частотного диапазона выступали в тесной связке с политическими партиями, выборами и правительствами, а потоки коммуникации имели форму широкого вещания, замкнутого в государственных границах, в наши времена всё иначе. Сдвиг к мультимедийным платформам и порождаемой пользователями коммуникации привлекает намного больше людей к выслушиванию других, наблюдению за ними и прямому разговору с ними, чем к традиционным медиаисточникам. По крайней мере так считает большинство комментаторов.

НОВШЕСТВА

Как и в каждой предшествующей коммуникационной революции (вспомним о потрясениях, вызванных внедрением печатного станка, радио, фильма или телевидения), эпоха коммуникационного изобилия порождает преувеличения, ложные надежды и иллюзии. Томас Карлейль надеялся на то, что печатный станок низвергнет все традиционные иерархии, включая монархии и церкви. «Благодаря шрифту из подвижных литер он первым облегчил работу переписчиков, — писал он, — распустил наемные армии и разжаловал большинство королей и сенатов, создав совершенно новый демократический мир». Или взять другой пример: Д.У. Гриффит предсказывал, что изобретение кинематогра-

¹² См., например: *Meyer P. The Vanishing Newspaper: Saving Journalism in the Information Age.* Columbia, MO: University of Missouri, 2009; *The Collapse of the Great American Newspaper / C.M. Madigan (ed.).* Lanham, MD: Ivan R. Dee, 2007; *Life in the Clickstream: The Future of Journalism // Media, Entertainment and Arts Alliance.* 2008. <http://www.alliance.org.au/documents/foj_report_final.pdf>; *Life in the Clickstream II: The Future of Journalism // Media, Entertainment and Arts Alliance.* 2010. <http://www.thefutureofjournalism.org.au/foj_report_vii.pdf>.

фа приведет к тому, что школьников «будут практически всему учить посредством кинокартин», и им «уже никогда не понадобится читать историю»¹³. Революции всегда порождают странные фантазии и преувеличенные ожидания. Наша революция — не исключение, по крайней мере так думают умные люди. Однако, если оценивать по скорости, размаху и сложности, новая галактика коммуникационного изобилия не имеет precedентов. Цифровая интеграция текста, звука и изображения — совершенно новое для истории явление. И то же самое можно сказать о компактности, портативности и доступности широкого спектра коммуникационных устройств, способных обрабатывать, отправлять и получать информацию в легко воспроизводимой форме, в больших количествах, через огромное географическое расстояние, за крайне небольшое время, а иногда и мгновенно.

Технические факторы играют ключевую роль в этих сейсмических преобразованиях, происходящих в настоящее время. С самого начала этой революции вычислительная техника постоянно менялась, что привело к драматическим последствиям, изменившим повседневную жизнь пользователей во всемирном масштабе. Количество транзисторов, которые можно без особых затрат разместить на одной интегрированной микросхеме, увеличивается в два раза примерно каждые два года (в соответствии с так называемым законом Мура¹⁴). Емкость памяти, скорость обработки данных, сенсоры и даже число пикселей в смартфонах и цифровых камерах — все это также росло по экспоненте. Постоянные революционные изменения увеличили полезность и распространенность цифровой электроники едва ли не во всех сегментах обыденной жизни, а также на рынках и в правительственных организациях в целом, так что теперь сжатие пространства-времени в глобальном масштабе становится реаль-

¹³ *Carlyle T. Sartor Resartus*. L., 1833; цит. из Д.У. Гриффита приводится по: *MacCann R.D. The First Film Makers*. Metuchen, NJ: Scarecrow, 1989. P. 5.

¹⁴ Закон назван по имени одного из основателей компании Intel, Гордона Э. Мура, в чьей классической работе по этой теме отмечалось, что число компонентов в интегрированных микросхемах удваивалось каждый год с изобретения такой микросхемы в 1958 г. и до 1965 г. Мур (в 1965 г.) предсказал, что этот тренд сохранится по крайней мере еще одно десятилетие. См.: *Moore G.E.. Cramming More Components onto Integrated Circuits // Electronics*. 1965. Vol. 38. No 8. P. 4–7.

ностью, а иногда и производственной необходимостью, как, например, в случае преобразования бирж в такие пространства, где компьютерные алгоритмы (так называемые алгоботы) программируются на автоматическую покупку и продажу ценных бумаг, валют и товаров за временные промежутки, составляющие меньше, чем 200 микросекунд. Дешевая и надежная трансграничная коммуникация становится нормой для все большего числа людей и организаций. Тирания расстояния и медленных связей низвергнута, особенно в таких географически изолированных странах, как Гренландия и Ирландия, которые имеют самый высокий уровень использования Интернета (более 90% населения). Низложение этой тирании указывает на то, почему в обществах, наиболее насыщенных медиа, люди считают мгновенные коммуникации чем-то само собой разумеющимся. Их закоренелые привычки обнаруживают себя в ругательствах, изрыгаемых ими, когда они теряют мобильные телефоны или когда интернет-соединение пропадает. В таких случаях они начинают паниковать, погружаются во фрустрацию и клянут все на свете.

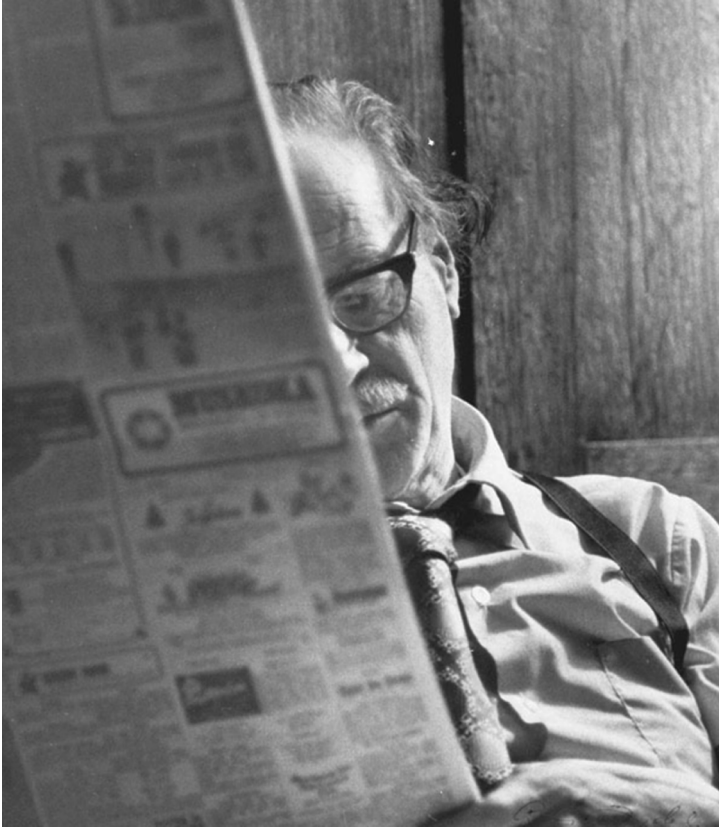
Историческую новизну насыщения общества быстрыми медиа, сжимающими пространство, легко проглядеть или проигнорировать, но на самом деле он не может не поражать. Когда четыре десятилетия назад Дайан Китон в фильме по сценарию Вуди Аллена «Сыграй это снова, Сэм» (1973) говорит своему мужу-трудоголику, что ему следовало оставить в офисе номер телефона-автомата, мимо которого они пройдут, — на случай, если из офиса захотят ему позвонить, это была удачная шутка. Однако вскоре юмор превратился в современную реальность. Все большее число людей приучаются к коммуникациям в реальном времени; и, словно бы они были рождены, чтобы проверять свои сообщения, они ожидают мгновенных ответов на свои мгновенные послания. Их жизни, если только они не спят, уподобляются безостановочным актам быстрой коммуникации с другими, осуществляемой за счет медиа. Например, за единственный час человек может отправить несколько писем по электронной почте, несколько СМС-сообщений и написать несколько твитов, посмотреть какую-то телепрограмму (в сети или просто по телевизору), переключиться на цифровое радио, сделать звонок по старому доброму проводному телефону, посмотреть газету, открыть дневную почту и даже изыскать несколько минуток на личные разговоры.

На практике из-за различий в благосостоянии и доходе, привычках и нехватке времени только меньшинство выполняет так много коммуникационных актов за незначительное время. У большинства людей еще бывает «время для размышлений». У них опосредованные медиа акты коммуникации носят спорадический характер, они неравномерно распределены и претерпевают постоянные изменения. Доступные данные по трендам, естественно, обычно ненадежны: их проблема в грубых показателях, отсутствии исторической информации и уже встроенном в них устаревании. Однако при внимательном исследовании и на фоне более общих трендов агрегированные цифры выявляют долгосрочный поступательный рост личного вовлечения в мультимедийный процесс коммуникационного изобилия. Если не брать изобретения человеческого языка, который Жан-Жак Руссо называл «первым общественным установлением»¹⁵, ни один предыдущий способ коммуникации не получил столь широкого, общего и динамичного распространения в повседневной жизни людей. Газеты циркулировали по гостиним, кофейням и кухням, однако их все еще можно было не заметить, отложить в сторону, ими можно было выстлать ящики стола, завернуть в них мясо или рыбу, также они могли пригодиться для разжигания костра. У телефона было свое постоянное место — в кабинете, на кухне или в гостиной; и хотя у него были свои эффекты гало, поскольку он менял повседневные привычки и ожидания пользователей, последние все еще могли свободно уклоняться от его звонков, часто по причине дороговизны.

Цифровые медиа-инструменты, которые служат архитектуре коммуникационного изобилия, могут быть разными. Они находятся за пределами известного различия между «горячими» и «холодными» медиа, проведенного Маршаллом Маклюэном (илл. 2)¹⁶. Маклюэн верно понял то, что различные медиа по-разному и в разной мере ангажируют пользователей. Некото-

¹⁵ *Rousseau J.-J. Essai sur l'origine des langues // Rousseau J.-J. Collection complète des oeuvres de J.-J. Rousseau, citoyen de Genève. Geneva, 1782. Vol. 8. Ch. 1. P. 357 (рус. пер.: Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании // Руссо Ж.-Ж. Избр. произвед.: в 3 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1961. Т. 1. С. 221).*

¹⁶ *McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y., 1964 (рус. пер.: Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003).*

Илл. 2. Маршалл Маклюэн: «Люди на самом деле не читают газеты. Они входят в них каждое утро, как в горячий душ» (1972)

рые медиа (его пример — это печатные работы) являются «горячими» — этим термином он обозначал не их температуру или злободневность (когда «краска еще не просохла»), а их способность увлекать пользователей, держа их при этом на некоторой дистанции, на расстоянии вытянутой руки. Они поддерживают такие качества, как логичность, линейность, аналитическую точность. Другие медиа, например телевидение, являются «холодными» (этот термин Маклюэн взял из джаза) в том смысле, что они по самой своей сути зависят от участия пользователей. Различие между «горячими» и «холодными» медиа сопрягалось

с его тезисом о том, что все медиа встраивают в наши жизни искусственные перцепции и произвольные ценности и что в той или иной степени средства коммуникации расширяют наши телесные и чувственные способности, иногда за счет других способностей, так что можно говорить во вполне физическом смысле о том, что они осуществляют «ампутацию и протезирование» нашего чувственного аппарата.

Этот тезис сохраняет свое значение, однако поражает то, как коммуникационное изобилие стирает различие между «горячими» и «холодными» медиа. Коммуникационное изобилие на самом деле предполагает двойную комбинацию. Сплавляя впервые в истории инструменты коммуникации, завязанные на текст, осязание, звук и изображение, эпоха коммуникационного изобилия сводит воедино и стимулирует *большинство* чувств человека (слава и богатство ждут человека или группу, которые овладеют искусством передачи вкуса и запаха). Вторая комбинация такова: в некоторых обстоятельствах (при чтении романа или газеты на планшете) новый модус коммуникации провоцирует рефлексивное отстранение, тогда как в других условиях (при использовании Skype, при обмене сообщениями с приятелем, находящимся на другой стороне планеты, или когда носишь умные очки) он требует глубокого погружения пользователей, стимулируя разные их чувства и в разных сочетаниях.

В эпоху коммуникационного изобилия зрение (в отличие от того, что утверждалось в эпоху кино и телевидения) больше не является главным медиумом власти и политики. Исследователи, настаивающие на том, что демократия, основанная на публичном обсуждении и, соответственно, на «голосе», ныне уходит в прошлое, поскольку на смену ей приходит некая разновидность «зрительской демократии», в которой граждане в основном пассивны и «связываются с политикой за счет своих глаз»¹⁷, на самом деле преувеличивают. Разговоры и тексты не уходят из политической жизни. Глаза — не всегда самое главное. В незавершенной революции коммуникационного изобилия демократическая политика — дело многих чувств. Различные мультимедийные техники и коммуникационные инструменты опираются

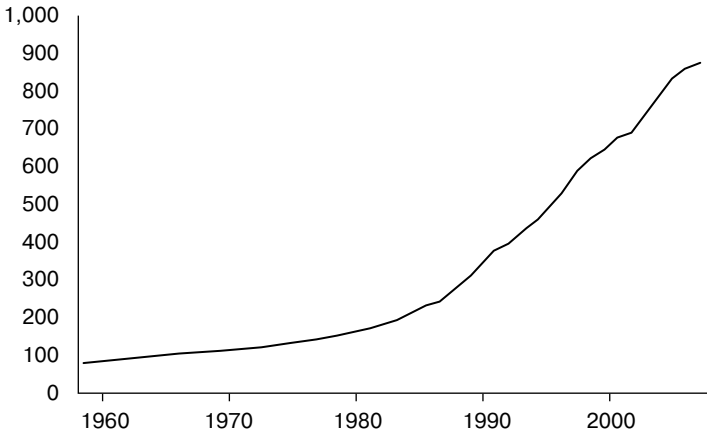
¹⁷ Green E. The Eyes of the People: Democracy in an Age of Spectatorship. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 4.

на текст, осязание, звук и изображение. Они проникают во все закоулки нашей повседневной жизни. Они затрагивают внутреннюю идентичность людей и преобразуют ее. Неудивительно, что коммуникационное изобилие становится причиной постоянных споров о размытой границе между «свободой коммуникации» и личным оскорблением или преступным богохульством. Например, различие между тем, что можно законно сказать о человеке, особенно с публичной репутацией, и тем, что можно сказать ему лично, становится предметом общественного обсуждения. Стена, разделяющая, к примеру, высказывание с импровизированной трибуны, на которой вместо микрофона использовалась мыльница, и телефонные звонки с угрозами, разрушается. Посты в Twitter приводят к обвинениям в клевете, взломы аккаунтов в Facebook заканчиваются криками о мошеннической краже личных данных, тогда как студенты, которые забрасывают учителей электронными письмами, обвиняются в том, что они нарушают общественный порядок, а также в киберсталкинге. Эти споры частично обусловлены компактностью, дружественным интерфейсом, дешевизной и портативностью новых инструментов коммуникации; в равной мере они являются следствием как их мультисенсуальных и мультиинтерактивных качеств (дающих возможность коммуникации в режиме «один-многим» и «многие-одному»), так и решения пользователей распространить действие новых коммуникационных средств на свою личную жизнь и на жизнь других людей.

Историческая новизна этих глубоких перемен совершенно очевидна во многих глобальных контекстах в том числе в США, которые из всех старых демократических стран являются, видимо, страной, наиболее насыщенной медиа. Здесь коммуникация с другими формирует вторую по важности категорию действий после оплачиваемого труда, и она, несомненно, является превалирующей семейной деятельностью, паттерны которой отличаются значительной неравномерностью. Предпочтения в ежедневной коммуникации структурируются доходом и богатством; также они зависят от возраста и пола, что подтверждается данными (с января 2005 г. по сентябрь 2010 г.) по использованию СМС, которые, к примеру, показывают, что женщины говорят по телефону и отправляют СМС-сообщения чаще мужчин, а подростки 13–17 лет — чаще любой иной воз-

растной группы¹⁸. Высокая плотность ежедневной коммуникации подкрепляется стремлением каждого ранее обособленного средства информации слиться с другими, формируя «гибридные» медиа. Вопреки прежним предсказаниям новые цифровые медиа в США не демонстрируют признаков каннибализма по отношению к старым медиа, таким как телевидение, радио и книги. Два десятилетия назад, если судить по одному докладу, в средней американской семье телевизор был включен примерно 7 часов в день, а реальное время просмотра составляло 4,5 часа в день на взрослого человека; на прослушивание радио приходилось по 2 часа в день, в основном во время вождения автомобиля; на чтение газет в день тратилось примерно 18–49 минут; на просмотр журналов — от 6 до 30 минут; а чтение книг, включая тексты, связанные со школьным образованием, занимало примерно 18 минут в день. Был сделан вывод, что американское общество приковано к телевизорам и что такая ситуация сохранится и в будущем. Но недавние данные указывают на более сложный тренд, в котором общий объем коммуникации, опосредованный медиа, вырос, но также обозначились немало более сложные, «гибридные» закономерности в использовании медиа. Любовный роман Америки с телевидением не закончился, однако теперь он существует в видеоизмененной, мультимедийной форме. Среднее число телевизоров на американскую семью — 2,5; почти треть семей имеет четыре и более телевизоров. Каждую неделю американцы проводят за просмотром телепередач около 35 часов и тратят по 2 часа на просмотр записанных при помощи цифровой видеозаписи программ. Однако в последний квартал 2009 г. использование Интернета, одновременное с просмотром телевидения, достигло 3,5 часов в месяц, увеличившись на 35% по сравнению с предыдущим годом; сегодня почти 60% используют интернет во время просмотра телевидения. Растет просмотр видео в Интернете; все чаще предпочтение отдается просмотру видео на смартфонах. Общий эффект всех этих трендов в том, что дома превращаются в пространства, насыщенные медиа. В 1960 г. на семью приходилось обычно 3,4 телевизионные станции; 8,2 радиостанции;

¹⁸ Entner R. Under-aged Texting: Usage and Actual Cost. <<http://www.nielsen.com/us/en/insights/news/2010/under-aged-texting-usage-and-actual-cost.html>>. См. также: Factsheet: The U.S. Media Universe. <<http://www.nielsen.com/us/en/insights/news/2011/factsheet-the-u-s-media-universe.html>>.

Илл. 3. Отношение медиапредложения к потреблению в минутах в день из расчета на одну семью в США, 1960–2005 гг.

Источник: [Neuman et al.].

1,1 газеты; 1,5 недавно опубликованные книги и 3,6 журналов; отношение медиапредложения к реальному медиапотреблению семьи составляло 82 : 1 (илл. 3). К 2005 г. эта цифра выросла до 884 : 1, т.е. на каждую минуту, которую потребители могут потратить на доступ к контенту того или иного рода, приходится почти 1000 минут медийного контента¹⁹.

Переход к высокой интенсивности в применении мультимедийных инструментов в повседневной жизни или, как мы говорим в этой книге, коммуникационное изобилие, конечно, не ограничивается США. Азиатско-Тихоокеанский регион, вероятно, можно считать лабораторией будущих паттернов. Хотя в регионе и сохраняется крепкая устная культура²⁰, сегодня он ха-

¹⁹ Neuman W.R., Park Y.J., Panek E. Tracking the Flow of Information into the Home // International Journal of Communication. 2012. Vol. 6. P. 1022–1041.

²⁰ Ведущий корреспондент ВВС в Индии Марк Талли, проработавший в этой должности 20 лет, отмечает сохраняющееся значение устной коммуникации в обществе, которое все больше структурируется другими средствами коммуникации: «Любой, кто стоял в группе деревенских жителей, собравшихся над транзисторным приемником в полутьме неяркого фонаря и прислушивающихся к новостям, передаваемым далекой

рактизуется наиболее высокой в глобальном масштабе долей пользователей Интернета (40% всего населения). Телекоммуникационные рынки здесь быстро расширяются; а поскольку во всем регионе реальностью становится более дешевая, надежная и быстрая связь, проникновение в повседневную и институциональную жизнь новых коммуникационных инструментов и порождаемой пользователями информации не может не расти, особенно в таких демократических странах, как Индия и Индонезия, где у молодежи отличные способности к экспериментированию. Япония, граждане которой смотрят телевидение в среднем четыре дня в неделю, — это страна с самыми плодовитыми блоггерами в мире, которые публикуют более миллиона записей в блогах ежемесячно. Каждая из весьма развитых социальных сетей этой страны и каждый из игровых порталов — Mixi, Gree и Mobage-town — имеет более 20 млн зарегистрированных пользователей. По всему региону наблюдается поразительное внедрение новых медиа. Особенно популярны микроблоггинг (пример — использование Twitter в Индии) и социальные сети. Австралийцы тратят на социальные сети больше времени (почти 7 часов в месяц), чем жители любой другой страны мира. В Южной Корее каждый месяц ведущая социальная сеть Naver привлекает 95% интернет-пользователей. Этот тренд не ограничивается территориями отдельных государств; во всем регионе, несмотря на языковые барьеры, есть признаки быстрого нарастания трансграничных связей с множеством глобальных каналов (илл. 4). На паттерны региональных и глобальных межсетевых связей дополнительно влияют многие интересные и важные тренды: три четверти мирового интернет-населения на данный момент уже посещало Facebook, Wikipedia, YouTube или какие-то другие сайты социальных сетей и блоги; интернет-пользователи тратят в среднем по 6 часов в месяц на этих сайтах, поддерживающих самые разные языки; наконец, некоторые из этих сайтов сегодня являются полностью многоязычными, например Wikipedia,

радиостанцией, знает, что распространение информации не ограничивается количеством приемников в деревне. Стоит прийти в эту деревню с утра, и вы узнаете, что информация, услышанная по радио, разошлась далеко за пределы первоначальной аудитории» (*Tully M. Broadcasting in India: An Under-Exploited Resource // The Indian Media: Illusion, Delusion and Reality. Essays in Honour of Prem Bhatia / Asharani Mathur (ed.). New Delhi: Rupa & Co, 2006. P. 285–286.*)

которая (к концу 2012 г.) включала более 23 млн статей, из них менее четверти (4,1 млн) на английском языке.

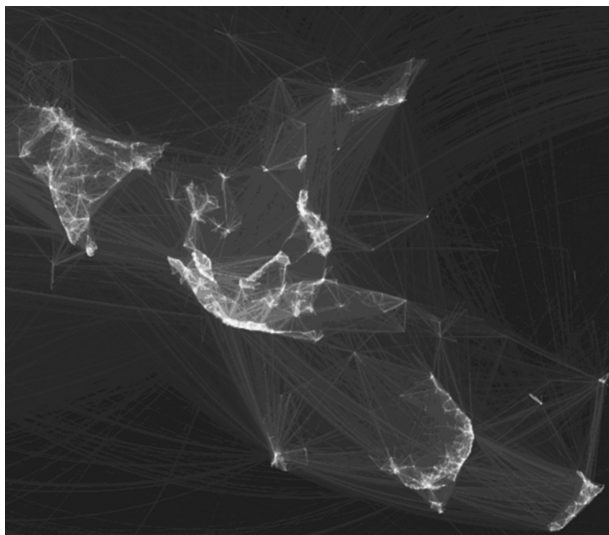
ДИКИЕ ИДЕИ

Нет ничего удивительного в том, что подталкиваемая с разных сторон всеми этими трендами культура коммуникационного изобилия пробуждает различные политические идеи. Поскольку к Интернету каждый день подключается более миллиона новых устройств — настольных компьютеров, мобильных телефонов, телевизоров и других гаджетов, это дает повод указывать на то, что текущая революция не только поколебала устоявшиеся бизнес-модели, но также породила неожиданное богатство и изменила жизнь миллионов людей. Новый модус коммуникационного изобилия, который порой сравнивают с бульдозером, разравнивающим весь мир, преподносится в качестве фактора, который бросит вызов всем застывшим иерархиям власти и авторитета²¹. Он питает обнадеживающие разговоры о цифровой демократии, сетевом обществе, кибергражданах и вики-правительстве. Некоторые говорят о третьей стадии демократического развития, на которой дух и сущность античной прямой демократии воплотятся в сетевой форме. «Телекоммуникации», как следует из этой логики, «могут предоставить каждому гражданину возможность включить свои собственные вопросы в общественную повестку и поучаствовать в дискуссиях с экспертами, профессиональными политиками и другими гражданами»²². Другие продвигают представления о «связанном» цифровом мире, в котором «граждане заставят собственное правительство держать ответ» и где «у всех людей в мире будет равный доступ к знанию и власти» (из обращения бывшего государственного секретаря США Хиллари Клинтон в Вашингтонском Ньюзеуме [Музее журналистики и новостей])²³. Следуя духу революции,

²¹ *Friedman T.L.* The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2005 (рус. пер.: *Фридман Т.* Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: АСТ, 2007).

²² *Grossman L.K.* Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. N.Y.: Viking (20th Century Fund), 1996.

²³ Бывший государственный секретарь Хиллари Клинтон: *Clinton H.* Remarks on Internet Freedom, an Address Delivered at the Newseum, Washington, DC. <www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135519.htm>.

Илл. 4. Паттерны использования Facebook в юго-восточной Азии (декабрь 2010 г.)

некоторые эксперты идут еще дальше. Они делают вывод, что «пришествие и потенциал технологий связи», отличающихся постоянно растущими вычислительными возможностями, ускоряющимся переходом от свойственной для широкоэвещательного радио и телевидения геометрии «один-многим» к коммуникационным схемам вида «многие-многим», указывают на некое «естественное» родство между коммуникационным изобилием и демократией, понимаемой (в общем и целом) в качестве такого типа правления и образа жизни, при которых власть подчинена постоянному общественному надзору, сдерживанию и контролю со стороны граждан и их представителей²⁴. Коммуникационное изобилие и демократия признаются близнецами-братьями. Удивительный революционный процесс и инновации в области коммуникаций, создающие все новые и новые продукты, толкают к распределению власти и повышению ее ответственности перед обществом — по крайней мере так считается.

²⁴ См.: Schmidt E., Cohen J. The Digital Disruption: Connectivity and the Diffusion of Power // Foreign Affairs. November/December 2010. Vol. 89. No. 6. P. 75–85.

Похоже, в поддержку этого тезиса сказать можно многое. И в самом деле, в вихревой галактике коммуникационного изобилия происходит много всего положительного, важного, воодушевляющего и даже опьяняющего. Давайте внимательнее присмотримся к деталям. Исследуя родственные черты коммуникационного изобилия и демократии (этот термин пока используется у нас в самом общем виде), следует помнить о некоторых критических замечаниях, в том числе о разумном предостережении Маклюэна: поскольку каждое новое средство коммуникации обычно «очаровывает» своих пользователей, в действительности «навязывая свои предпосылки, предубеждения и ценности» неосторожным людям, соблазняя их «подпороговым состоянием нарциссического транса», при анализе и оценке его социального и политического влияния необходима определенная доля аналитического отстранения и недоверия²⁵. Потребность в отстранении имеет положительные следствия: трезвый анализ нового исторического способа коммуникации может повысить наше внимание к его новизне, сделать (более) видимым то, что ранее было попросту незаметным, т.е. настроить нас, если уж мы говорим о демократии, на восприятие многочисленных составляющих ее положительной и отрицательной динамики. Это не значит, что интерпретации коммуникационного изобилия способны «овладеть» его неуловимыми качествами. Подобное «овладение» — удел богов; точно так же, как любой человек, говорящий на определенном языке, никогда не может абсолютно точно следовать его правилам и выполнять их на практике, а также предсказывать и контролировать его прошлые, актуальные и будущие эффекты, динамичные контуры коммуникационного изобилия сохраняют в определенной мере свою подвижность. Поэтому в этой книге ни в коем смысле не предпринимается попытка, как сказали бы немцы, *Gesamtdarstellung*, т.е. полного представления коммуникационного изобилия и его динамики. Также в ней не предполагается, что в будущем сможет возникнуть — в какой-то иной форме или ином виде — некая всеобъемлющая теория. Для этого реальность слишком динамична. Сложность коммуникационного изобилия слишком велика и слишком неуловима, чтобы ее можно было отобразить в при-

²⁵ McLuhan M. *Understanding Media*. P. 7 (Маклюэн М. Понимание Медиа. С. 19).

лизанных, гладких формулах, в тезисах, основанных на статистике, полученной с использованием грубых критериев, в однозначных правилах или надежных предсказаниях, построенных на якобы установленной истине. Можно сказать, что коммуникационное изобилие — это скромная возлюбленная. Немало секретов она предпочитает обходить молчанием.

Когда дело доходит до опирающейся на медиа коммуникации с другими, мы оказываемся в странном новом мире сбивающих с толку неизвестных, в насыщенном медиа универсуме, заваленном инструментами и методами коммуникации, чьи динамичные социальные и политические эффекты способны загипнотизировать нас, попросту погрузить в транс. Такие загадочные и неизвестные новшества не поддаются легкому декодированию как по эпистемологическим, так и по методологическим причинам. Факты коммуникационного изобилия не говорят сами за себя; они не раскрывают по собственной воле и без нашей помощи свои загадки. Вопреки мнению тех, кто считает исследование политических коммуникаций эмпирической «наукой», обескураживающие новшества коммуникационного изобилия невозможно расшифровать за счет чисто «объективного» эмпирического исследования, т.е. при помощи отсылки к так называемым голым фактам и соответствующим массивам данных, которые служат последней инстанцией, определяющей, что мы знаем и чего не знаем о мире коммуникационного изобилия. Так называемые факты не могут спасти нас, направляя и выправляя наши идеи с расстояния. И дело не только в том, что существует слишком много «доступных» для сбора фактов, так что определенная избирательность (отбрасывание некоторых «фактов») неизбежна в любой попытке создать «объективное» знание о нашем насыщенном медиа мире (к этому известному заключению пришел Макс Вебер²⁶). Проблема глубже, поскольку «факты» — это всегда артефакты. То, как «факты» коммуникационного изобилия представляются нам и какое стратегическое и нормативное значение они имеют для нас, в значительной степени зависит от сочетания различных сил, в том числе языковых

²⁶ Weber M. "Objectivity" in *Social Science and Social Policy* // Weber M. *The Methodology of the Social Sciences*. N.Y.: Free Press, 1949. P. 110 (рус. пер.: Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избр. произвед. М.: Прогресс, 1990. С. 412).

структур, посредством которых общающиеся люди понимают себя и выражают свои собственные ситуации, а аналитики коммуникационного изобилия и его сложной динамики структурируют свои исследовательские цели и методы. В эпоху «коммуникационного изобилия» «насыщенные» описания с множеством контекстуальных деталей, мотивов и действий акторов — необходимый компонент. Однако и насыщенные описания сами по себе являются артефактами. Они всегда неизбежно структурируются схемами теоретической интерпретации. Вывод таков: в попытках схватить и осмыслить сложную реальность точки зрения и позиции невозможно «отделить» от эмпирических методов. Статус подобных схем интерпретации не является вторичным или подчиненным. Это не барьеры для «адекватных» описаний «объективной реальности» и не излишняя роскошь. Скорее, они являются жизненно важными условиями осмысления сетей коммуникационного изобилия, в которых более или менее целенаправленно и осмысленно взаимодействуют люди, преследуя свои многообразные цели самыми разными способами. В области коммуникации сохраняет свою истину принцип, заявленный Эйнштейном: не все, что можно подсчитать, имеет значение, и не все, что имеет значение, можно подсчитать.

Поскольку эпоха коммуникационного изобилия кишит загадочными новшествами, многие старые способы осмысления и интерпретации медиа, власти и политики сегодня вызывают вопросы. Сентиментальная тоска по воображаемым лучшим временам, когда жизнь якобы определялась высококачественными общенациональными газетами и государственными широкоэмитательными программами по образцу BBC, — это уже не вариант, пусть даже она сопровождается понятными жалобами на то, что эпоха коммуникационного изобилия не может преодолеть языковые барьеры, расовую и национальную вражду, разнузданную власть корпораций и другие беды нашего времени²⁷. Осознание этих новшеств нашей эпохи не должно утонуть в приступах ностальгии или пессимизма. Также мы должны понимать, что экстраполяции на основе актуальных трендов и предсказания об окончательных формах применения новых

²⁷ Curran J. The Internet: Prophecy and Reality. Публичная лекция в Музее юстиции и полиции (Justice and Police Museum). Сидней, 21 сентября 2011 г.

коммуникационных технологий весьма проблематичны, особенно если они поддерживаются аналогиями с прошлым. При столкновении с незнакомыми ситуациями всегда возникает соблазн предположить, что новые медиа будут и далее порождать знакомые нам последствия (например, позволяя нам свободно общаться друг с другом), просто будут делать это более эффективно и результативно, быстрее и дешевле. Так же, как поезд называли «железным конем», автомобиль — «безлошадной повозкой», а телефоны оценивались с точки зрения телеграфа, т.е. считались средством передачи срочных или важных новостей, а не инструментами для каких-то других, более приземленных целей, возникает искушение истолковать новую динамику коммуникационного изобилия в терминах, унаследованных от наших предков. Этому желанию надо сопротивляться. Нужно отбросить предпосылки, которые пережили собственную полезность. Нужны как раз смелые новые заходы, свежие взгляды, «дикие» представления, которые позволяют иначе взглянуть на вещи и осмыслить их, предлагая нам более точные методы распознавания новаций нашего времени, их демократических потенций и противоположных трендов, которые способны задушить нашу демократическую политику.

Но что, собственно, следует из этого призыва к новым «диким» идеям? По самому скромному расчету, он означает то, что нужно отказаться от догм, клише и пустых формул, в том числе (если взять несколько напрашивающихся примеров) от набившего оскомину выбора между наивной и простодушной «киберутопической» верой в освободительную сущность сетевой коммуникации и столь же приевшимся прямо противоположным мнением о том, что коммуникационное изобилие является инструментом подавления, что все техники и инструменты коммуникации, включая Интернет, могут использоваться как в благих целях, так и в дурных, и что все зависит от контекста, в котором они применяются²⁸.

Что касается метода, новые «дикие» точки зрения, конечно, требуют с подозрением относиться к неологизмам, которые толкают к фальстарту. В данном случае примером может быть

²⁸ *Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. N.Y.: PublicAffairs, 2011 (рус. пер.: Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ, 2014).*

слово «киберпространство». Этот термин, являющийся плодом тех времен, когда компьютерные цифровые сети еще не успели в достаточной мере проникнуть в повседневную жизнь и в формальные институты, в этой книге не считается серьезным и не используется, поскольку он передает ложное ощущение, будто то, что происходит внутри и посредством Интернета, в каком-то смысле «ненастоящее» или же «настоящее» в каком-то ином смысле, раз осуществляется в мире, подчиняющемся не тем принципам, которыми управляется физический мир. Разговоры о киберпространстве ведут к существенной недооценке роста передовых медийных технологий, которые ныне определяют жизни людей. К примерам можно отнести сенсоры и микрокомпьютеры, которые встроены в самые разные объекты — кухонное оборудование, камеры наблюдения, автомобили, мобильные телефоны со специальными приложениями, умные очки, позволяющие владельцу прикосновением к оправе, легким кивком головы или же словесной командой делать фотографии, записывать и отправлять видеоролики, осуществлять поиск в Интернете, считывать срочные новости или маршрут движения, — и все это одним легким движением пальца. К числу других примеров относятся портативные беспроводные гаджеты, известные как «социометры», присоединяемые к человеческому телу или вшиваемые в одежду для измерения и анализа картины коммуникации людей (таково, скажем, идентификационное устройство под названием HyGenius, используемое в туалетах больниц и ресторанов для проверки того, насколько хорошо сотрудники моют руки). Существует также полностью подключенные к сети «умные» города, такие как корейский Сонгду (Songdu) или португальский PlanIT Valley, где «умные» устройства постоянно закачивают данные в «умные сети», которые оценивают и регулируют потоки людей, транспорта и потребляемой энергии²⁹. На фоне подобных трендов старомодные разговоры о киберпространстве сводятся исключительно к

²⁹ Все эти различные тренды обсуждаются в работах: New Nomads: An Exploration of Wearable Electronics by Philips / Stefano Marzano et al. (eds). Rotterdam: 010 Publishers, 2001; Pentland A. Honest Signals: How They Shape Our World. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. Поразительный экспериментальный подход, использующий кадры машинного зрения, чтобы показать, как электронные сенсоры и роботы видят мир, см.: <<http://vimeo.com/36239715>>.

этому — старомодности. Они всегда сопрягаются с неверными вопросами вроде «какое действие Интернет оказывает на демократическую политику», тогда как приоритетом, скорее, является понимание двух вещей: институционального мира, из которого изначально возникли цифровые коммуникационные сети и инструменты; и того, как они впоследствии закрепились в ряде иных институтов и к какой новой властной динамике и последствиям в сфере власти привели связанные с ними революционные техники и инструменты, действующие в этом мире.

Дикие идеи говорят о том, что нам нужно нечто большее — надо поставить под вопрос устаревшие клише и освободиться от них, в том числе от всех описаний средств коммуникации как «четвертого сословия», что является неверной метафорой, возникшей благодаря Эдмунду Берку, а также памфлетам и газетным битвам времен Французской революции. Современные теории средств коммуникации, предполагающие, будто эта метафора по-прежнему работает, например, исследования идеальных функций «систем медиа» как «посредников», независимых «составителей повестки» как «четвертой власти» или даже «четвертого сословия», выглядят совершенно неубедительно³⁰. Передаваемое ими ощущение политической географии медиа совершенно ошибочно. Коммуникационное изобилие стирает границы между «медиа» и другими институтами. Все сферы жизни, начиная с наиболее интимных сред повседневности и заканчивая широкомасштабными глобальными организациями, действуют в крайне медиатизированных условиях, в которых значение сообщений постоянно меняется и часто расходится с намерениями их создателей³¹. Это не означает, что надо потворствовать современным разговорам о «медиа вообще», которые слишком абстрактны и бессвязны; в области медиа, конечно, важно все, но не все легко соединяется со всем, а сложные способы распределения этого всего не всегда удастся легко выяснить.

³⁰ *Arendt H.* Lying in Politics: Reflections on the Pentagon Papers // *Arendt H.* Crises of the Republic. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. P. 45; *Dutton W.H.* The Fifth Estate Emerging through the Network of Networks // *Prometheus*. 2009. Vol. 27. No 1. P. 1–15.

³¹ *Thompson J.* The Media and Modernity: A Social Theory of the Media. Cambridge: Polity Press, 1995. P. 34–41.

Сложная динамика современных форм связи — это весомая причина для наведения мостов между обособленными дисциплинами: политическими науками, исследованиями коммуникаций и другими академическими областями. Также она объясняет, почему необходимо анализировать одновременно демократию и медиа, используя новые методы и в какой-то мере отказываясь от избитых понятий и точек зрения, которые мы унаследовали из эпохи печатной культуры, радио, телевидения и голливудского кино. Ниже, например, мы показываем, почему разговоры об «информированном гражданине» стали бесполезным клише. Ангажированные граждане, чьи головы забиты неограниченным количеством «информации» о «реальности», на вершине которой стоят они сами, — вот в высшей степени неправдоподобный и, по сути, антидемократический идеал, который восходит к концу XIX в. Этот элитистский идеал «информированного гражданина» первоначально продвигали сторонники ограничения избирательного права образовательным цензом, а также группы интересов, отвергавшие партийную политику, завязанную на превратности и несправедливости повседневной социальной жизни. И сегодня он остается интеллектуалистским идеалом, неподходящим для эпохи коммуникационного изобилия, которая нуждается в «сознательных гражданах», знающих, что они знают не все, — по крайней мере это мы доказываем в данной книге. Эта эпоха заставляет нас отбросить некогда модные, особенно среди интеллектуалов, представления, например, о том, что закат печатной культуры и приход электронных медиа были полной катастрофой; предрассудки, утверждающие, что любое телевидение — детское, а хороша в нем лишь его мимолетность; что телевизоры — это машины сновидений, которые окончательно отсекают граждан от того, что действительно происходит в мире³²; что средства массовой информации во главе с телевидением превращают «публику» в апатичную массу, «черную дыру, в которой политические усилия политиков, активистов, медиа и школ исчезают практически бесследно»³³. В этой книге ставятся под во-

³² Bourdieu P. On Television. N.Y.: The New Press, 1996 (рус. пер.: Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002).

³³ Edelman M. Constructing the Political Spectacle. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1988. P. 8.

прос подобные послышки, неявно опирающиеся на более старый и более общий предрассудок, согласно которому «современные» системы широкого вещания возвращают безвольных людей, живущих на ежедневных дозах вымысла. Сегодня (как, возможно, и ранее) было бы не совсем верно говорить, уподобляясь знаменитому американскому философу Джону Дьюи, что мы «живем, подвергаясь величайшему натиску массового внушения, когда-либо испытываемого человечеством». Искусство создания общественного мнения, манипулирования им и контроля над ним посредством медиа все еще ставит серьезные проблемы перед демократией. Однако предостережения, высказанные в первые годы широкого вещания, т.е. в 1920-е и 1930-е годы, должны быть полностью переосмыслены. Более невозможно однозначно соглашаться с Эдвардом Бернейсом, крестным отцом пропаганды, который говорил, что «пропаганда становится инструментом невидимого правительства», что «пропаганда для демократии является тем же, чем насилие — для диктатуры», а если «народ» хочет быть «свободным от железных цепей» и во имя демократии слепо отказывается от «любви, почитания и покорности» правителям, тогда этот народ должен согласиться с «серебряными цепями», произведенными организованными механизмами соблазна и пропаганды, т.е. с тем, что Адорно и Хоркхаймер позже назвали «культурной индустрией»³⁴.

³⁴ *Dewey J. The United States, Incorporated // Dewey J. The Later Works, 1925–1953. Vol. 5. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 2008. P. 61; Bernays E.L. Propaganda. N.Y., 1928. P. 48 (рус. пер.: Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. С. 14); Laswell H.D. Propaganda Technique in the World War. L., 1927. P. 227; Ellul J. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. N.Y.: Vintage Books, 1965. Эллиул в этой работе утверждает: «Правительственная пропаганда внушает, что общественное мнение требует того или иного решения; она провоцирует волю народа, который сам по себе ничего не сказал бы. Но как только эта воля выявлена, оформлена и кристаллизована в одной точке, она становится волей народа; и хотя правительство на самом деле действует по собственному почину, оно создает впечатление, будто подчиняется общественному мнению, первоначально сформировав само это общественное мнение. Все дело в том, чтобы заставить массы требовать от правительства то, что оно уже и так решило сделать» (р. 132); см. также: Adorno T., Horkheimer M. The Culture Industry: Enlightenment as Mass Deception // Adorno T., Horkheimer M. Dialectic of Enlightenment. N.Y.: Herder and Herder, 1972 (рус. пер.: Адорно Т., Хоркхаймер М. Культуриндустрия: Просвещение как обман масс // Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. М.–СПб.: Медиум, Ювента, 1997). Бертран Рас-*

Вот в чем вся соль: точно так же, как в XVI в. производство печатных книг и усилия, необходимые для чтения кодексных изданий, потребовали фундаментального сдвига общей установки, сегодня в постепенно формирующемся мире коммуникационного изобилия нужно сделать совершенно новое умственное усилие, чтобы осмыслить то, как демократии в различных регионах мира оформляются и перекраиваются новыми инструментами и риторикой коммуникации — и почему само наше понимание демократии тоже должно измениться.

Но как нам действовать? Какими представляются ключевые тренды, которые нам нужно отметить, истолковать, учесть в наших размышлениях о демократии в эпоху коммуникационного изобилия? Наиболее важными являются несколько трендов. Они требуют самого тщательного анализа, поддерживаемого четким ощущением его историчности.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ

Начнем с наиболее очевидного политического следствия коммуникационного изобилия — демократизации информации. Благодаря недорогим и простым методам цифрового воспроизведения мы теперь живем во времена новых информационных банков и, как говорили раньше, распространения информации, внезапного и довольно заметного расширения доступа к опубликованным материалам, которые ранее были либо вообще не доступны публике, либо доступны только ограниченному кругу пользователей. Этот процесс демократизации включает отмену привилегий в области информации, ранее на ограниченной основе доступной только элитам. Он осуществляется одновременно на трех пересекающихся уровнях.

С одной стороны, пользователи получают удаленный доступ к материалам, которые ранее были доступны только в определенном географическом радиусе или только пользователям, го-

сел резюмировал это старое представление о пропаганде следующим образом: «Сегодня распространять ложные сведения намного проще, чем раньше, а из-за демократии распространение ложных сведений сегодня власть имущим важнее, чем в прежние времена. Отсюда и рост числа выпускаемых газет» (*Russell B. China's Entanglements // Russell B. Uncertain Paths to Freedom: Russia and China, 1919–22. L.; N.Y.: Routledge, [1922] 2000. P. 360.*

товым преодолевать большие расстояния и оплачивать расходы, связанные с временным проживанием, чтобы познакомиться с материалами, к которым иначе не подобраться. Демократизация в этом смысле, символами которой выступают сетевые издания газет «New York Times», «The Hindu», «El País» и «Der Spiegel», обозначает существенное снижение тирании расстояния, радикальное расширение пространственных горизонтов, невиданное увеличение охвата потребителей опубликованных материалов. На практике она подкрепляется демократизацией информации во втором смысле — значительным расширением числа потенциальных потребителей материалов: любой человек с компьютером и доступом к Интернету или любой, кто использует такие инструменты, как Kindle, Nook, iPad или устройства, которые придут им на смену, может сегодня получить доступ к различным материалам одним щелчком мыши. Сетевая поисковая машина Grooveshark или шведский торрент-трекер thepiratebay.org — это примеры демократизации в этом смысле, означающем увеличение доступности материалов, которые можно теперь получать почти задаром, на общих условиях, а не на основе привилегированных прав. Наконец, есть третий и, возможно, наиболее важный в плане последствий смысл демократизации информации, связанный с процессом сбора рассеянных и разрозненных материалов, которые ранее не были доступны, их форматирования в виде новых массивов данных, которые публично предоставляются пользователям через совершенно новые каналы. К наиболее известным примерам относятся энциклопедия Wikipedia, содержащая несколько миллионов статей; Музей истории компьютера (Computer History Museum), расположенный в калифорнийском городе Маунтин-Вью; YouTube, пользователи которого в 2010 г. каждую минуту загружали на сайт не менее 35 часов видео; наиболее популярный сайт на фарси balatarin.com (коллективная платформа, которая позволяет зарегистрированным пользователям публиковать статьи и ранжировать их по популярности); наконец, theeuropeanlibrary.org, консорциум библиотек почти 50 стран — членов Совета Европы, к которым можно получить доступ через единую поисковую систему и которые содержат материалы примерно на 30 языках.

Имеют ли эти примеры демократизации информации более широкое историческое значение? Имеют, но не потому, что они

говорят о замещении старомодного модернистского «нарратива» «базами данных» новой компьютерной эпохи, как утверждали некоторые исследователи³⁵. Конечно, новые базы данных обычно не выстроены в виде доходчивого нарратива. Они не рассказывают нам историй, у которых есть начало и конец. В действительности они являются разрозненными собраниями «информации», мультимедийных материалов, упорядоченных так, что внутри собрания каждый элемент обычно имеет то же значение, что и все остальные. Однако из этого не следует, что «база данных и нарратив — это естественные враги». Как раз наоборот: именно потому, что новые источники информации не представлены в виде моральных проповедей, их проще использовать в качестве «сырья» для нарративов, выбранных публикой, которая имеет к ним доступ. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что современное применение цифровых сетей для распространения всевозможных информационных материалов среди постоянно расширяющейся аудитории способствует оживлению политики. Демократизация информации выступает в качестве силы, нацеливающейся на голодные умы, ранее стесненные неэффективной коммуникацией. Некоторые наблюдатели даже предрекают пришествие эпохи, когда граждане будут «стоять на плечах сразу у множества великанов»³⁶. Такие тезисы склоняют к сравнениям с Реформацией в Европе, одной из причин которой была убежденность христиан-диссидентов в том, что можно расширить доступность печатных копий Библии, что нет никаких духовных или земных оснований, по которым ее чтение должно быть ограничено узким кругом лиц, владеющих латынью, и что умеющие читать или имеющие уши, чтобы слышать, вправе вступать в группы для чтения, дабы вкушать радости осмысления и обсуждения печатных проповедей, духовных биографий и этических наставлений для всех этапов и форм жизни³⁷. Подобные сравнения, вероятно, чрезмерны, но

³⁵ «База данных и нарратив — это естественные враги. Поскольку они конкурируют за одну и ту же территорию, каждый претендует на исключительное право» (*Manovich L. The Language of New Media. Cambridge, MA: The MIT Press, 2001. P. 225*).

³⁶ *Calvin W. The Shoulders of Giants // How Is the Internet Changing the Way You Think? / J. Brockman (ed.). N.Y.: Harper Perennial, 2011. P. 66–69.*

³⁷ См.: *Cambers A. Godly Reading: Print, Manuscript and Puritanism in England, 1580–1720. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2011.*

вряд ли можно сомневаться в том, что, если оценивать коммуникационное изобилие по таким критериям, как равенство и простота доступа к ранее закрытым материалам, оно, очевидно, открывает двери и сносит заграждения, разделяющие производителей и потребителей информации, в том числе и высокоспециализированной, так что новые жизненно важные банки информации становятся доступными намного большему числу пользователей, которые часто могут обращаться к ним удаленно, примерно в одно и то же время и по нулевой или очень низкой стоимости.

В настоящее время этот тренд особенно силен в воссоздаваемых в цифровом виде собраниях редких и труднодоступных материалов. Некоторые проекты рассчитаны на достаточно узкие группы пользователей. Например, каждый год электронная библиотека, известная как *Romantic Circles*, распространяет примерно 3,5 млн страниц материалов среди пользователей, проживающих более чем в 160 странах. Историки искусства могут легко получить доступ к *Digital Michelangelo Project*, который нацелен на предоставление исследователям высококачественных лазерных копий трехмерных работ художника. Исследователям и просто интересующимся со всего мира доступны такие коллекции, как *East London Theatre Archive* (содержащий несколько тысяч театральных программ), *Catalogue of Digitised Medieval Manuscripts* и *Prehistoric Stones of Greece Project*. Далее, существуют банки данных, у которых есть возможность выйти на более широкую аудиторию, поскольку они связаны с коллективными воспоминаниями. К примерам можно отнести инициативу под названием «Американская память» (*American Memory*), которую спонсирует Библиотека Конгресса и чья цель — сохранить в цифровом виде звукозаписи, карты, печатные документы и изображения, составляющие ту или иную часть истории США. Библиотека Гарвардского университета планирует оцифровать свою обширную коллекцию документов на украинском языке — самое большое в мире собрание подобных материалов, значительная часть которых была уничтожена или потеряна на Украине в XX в., известном своими зверствами. В числе других примеров — «Коллекция Холокоста» (*Holocaust Collection*), содержащая аудиоклипы, карты, тексты, фотографии и изображения артефактов; сюда же можно отнести базы данных, созданные такими гражданскими сетями, как Ассоциа-

ция за восстановление исторической памяти (Association for the Recovery of Historical Memory) в Испании. Все это показывает значение демократизации информации в борьбе с двойной политической опасностью амнезии и вымысла. Сохраняя информацию о прошлых травмах, доступные для широкой публики информационные банки поддерживают политику памяти, по сути, предоставляя право голоса той группе, которой обычно пренебрегают, а именно умершим.

Не меньше впечатляют «изначально цифровые» коллекции, которые собираются, чтобы не допустить возможной окончательной потери некоторых материалов, циркулирующих по самому Интернету. Его рождение и рост сопровождались беспорядочным размножением веб-сайтов, многие из которых были эфемерными, структурировались различными не совместимыми друг с другом метаданными и часто сопротивлялись поисковым машинам, а потому могли легко исчезнуть в разряженной атмосфере того, что некоторые еще называют киберпространством. В США, где правительственные агентства использовали электронную почту с середины 1980-х годов, имеющиеся данные указывают на то, что в следующие два десятилетия большая часть корреспонденции Белого дома была потеряна (в среднем 6 млн сообщений электронной почты порождалось ежегодно только в два срока президентства Клинтона). Исчезновение электронных данных на более низких уровнях правительства, в неправительственных организациях (НПО), например в университетах, и, говоря в целом, у частных пользователей различных частей Интернета, было еще более объемным. Прозвучал тревожный звонок, указывающий на опасность стирания воспоминаний у гражданского общества и правительства; и несмотря на нехватку денег, а также технические и юридические сложности появляется все больше планов по сохранению и спасению цифровых материалов — вместе с такими инициативами, как проект «Женские голоса: снимок» (Capturing Women's Voices), поддерживаемый Библиотекой Артура и Элизабет Шлезингеров и представляющий собой собрание записей из самых разных блогов, которые ведут женщины³⁸.

³⁸ История этого проекта представлена в работе: *Darnton R. The Future of Libraries // Darnton R. The Case For Books: Past, Present, and Future. N.Y.: PublicAffairs, 2009. P. 50–3.*

GOOGLE

Современная демократизация цифровой информации порождает ожесточенные диспуты. Предметом яростных споров становятся сложные, в том числе в политическом отношении, вопросы, связанные с авторским правом, а также с тем, законно ли и в какой именно мере коммерциализировать информацию. Рассмотрим Google Book Search — бизнес-инициативу, которая оказалась в подвешенном состоянии. Будучи самой смелой на сегодняшний день попыткой создать гигантскую сетевую библиотеку — намного более смелой, чем все придуманное со времен Александрийской библиотеки, — эта инициатива включала цифровое сканирование многих миллионов книг, которые должны были стать доступными для широкой публики в сети (бесплатно или же по годовой подписке на базу данных). Спорные детали будущей коммерческой мегабиблиотеки были предъявлены и подвергнуты корректировке в ходе нескольких раундов (2005–2011) судебного разбирательства, начатого группой авторов, издателей и правительств, которые настаивали на том, что законы об авторском праве будут нарушены планами Google по оцифровке книг из исследовательских библиотек и по отображению отрывков из этих книг в Интернете. Критики выступили против планов на рекламную прибыль и не слишком замаскированных коммерческих мотивов Google; компания, которую обвинили в монопольных практиках, нацеленных на сужение сетевого книжного рынка, была представлена врагом давно устоявшегося некоммерческого принципа библиотек, приверженных делу сохранения и распространения знаний ради пользы и радости читателей.

За этим обвинением скрывалось горькое, но вполне понятное осознание упущенной возможности, которая впервые возникла в начале 1990-х годов, а именно существовавшего в те времена потенциала для развития действительной открытой публичной библиотеки, т.е. супербиблиотеки, построенной по образцу Британской библиотеки, Библиотеки Конгресса или Национальной библиотеки Франции и финансируемой, к примеру, консорциумом правительственных агентств и сетью благотворительных организаций, приверженных принципу, выгравированному на входе в Бостонскую публичную библиотеку: «Free to All» («Свободно для всех»). Были и другие возражения против схемы

Google. Некоторые критики подчеркивали то, что авторы утратят контроль над авторским правом и потеряют лицензионные выплаты, на которые у них есть полное право. Другие критиковали неспособность предложенной Google общей схемы учесть мнение библиотек, а также широкого круга читателей. Другие указывали на то, что Google за счет своей секретной системы алгоритмического ранжирования может легко нарушить право на неприкосновенность частной жизни индивидуальных читателей; также критики, помнившие о том, что примерно 80% новых фильмов и большинство радиопрограмм исчезли навсегда, были обеспокоены тем, что все «исходно цифровые» тексты зависят от технических и программных систем, которые уязвимы перед неизбежным для них устареванием.

Эти и иные претензии оставили свой отпечаток на предложенном (в октябре 2008 г.) итоговом юридическом соглашении, в котором была воспроизведена формулировка миссии Google: «Организовывать мировую информацию и делать ее доступной и полезной всем»³⁹. Пространное соглашение по коллективному иску должно было закрепить право Google на создание и продажу доступа к цифровой базе данных, включающей многие миллионы книг, в настоящее время хранящихся в американских библиотеках, — в основном книг, более не продающихся и не защищенных авторским правом. Объем предложенного соглашения был достаточно широким. Договор по коллективному иску покрывал значительную категорию авторов и издателей в США (а также в Канаде, Великобритании и Австралии). Также он содержал оговорку о предоставлении режима наибольшего благоприятствования, которая в будущем должна была бы помешать любому конкуренту Google предлагать авторам и издателям лучшие условия. Следовательно, договор должен был быть исключительным; хотя защищенные авторским правом и имеющиеся в продаже книги были исключены, если только их авторы не решат предоставить их для сканирования, договор призван был ограничить всех американских издателей, авторов и читателей сложной четырехуровневой системой подписки. Книги, уже перешедшие в общественное достояние, например, «Богатство

³⁹ 134-страничный текст предложенного соглашения и 15 юридических дополнений доступны по адресу: <http://thepublicindex.org/docs/amended_settlement/opinion.pdf>.

народов» Адама Смита, «Здравый смысл» Томаса Пейна и «Эссе по химии и физике» Антуана Лорана Лавуазье (все эти книги опубликованы в 1776 г.), были бы бесплатно доступны в сети для читателей, которые могли бы также скачивать и распечатывать для личного пользования копии таких книг, тогда как такие организации, как университеты и частные исследовательские институты, должны были бы платить «институциональную лицензию». Публичные библиотеки, которые уплатили «лицензию публичного доступа», получили бы доступ к гигантскому банку данных, который был бы безо всякой дополнительной платы доступен для читателей библиотеки с одного компьютерного терминала. Физическим лицам, выбравшим «клиентскую лицензию», предоставлялась бы возможность читать и распечатывать книги из базы данных, а также дополнительная возможность глубинного изучения и анализа книг — за счет либо простого текстового поиска, либо более сложных методов интеллектуального анализа текстов. Читателям с ограниченными возможностями должна была предоставляться особая схема доступа. Соглашение привело бы к созданию организации под названием «Регистр книжных прав» (Book Rights Registry). Его предположительная задача заключалась в представлении общих задач и интересов владельцев авторского права и в распределении полученных доходов (37% — Google, 63% — владельцам авторских прав). Индивидуальные читатели и организации-участники, например библиотеки, не получили бы отдельного права представлять свои интересы.

Предложенное юридическое соглашение, обещавшее стать эпохальным, было отвергнуто американским окружным судом Южного округа Нью-Йорка в марте 2011 г.⁴⁰, поскольку было признано не соответствующим «честным, адекватным и разумным» стандартам. Этот вывод указывал на неадекватное отражение интересов владельцев авторских прав и авторов, у которых есть право предоставлять свое согласие или отказываться в нем; также в нем подчеркивалась обеспокоенность тем, что Google сформирует «фактическую монополию» на невостребованные книги (так называемые сиротские книги, владельцы ав-

⁴⁰ Authors Guild et al. vs. Google Inc., United States District Court, South District of New York, Opinion 05 Civ. 8136 (DC), 2011. 22 March. <www.scribd.com/doc/51331062/Google-Settlement-Rejection-Filing>.

торских прав на которые неизвестны или не обнаруживаются) и на сетевой поиск по книгам. Решение суда оставило открытыми двери для нового соглашения, неожиданно заставив спорящие стороны замереть в возбуждении. Только один исход казался практически неизбежным: со временем мир книг, многие из которых ранее были недоступны, окажется под рукой у граждан, пользующихся подключением к сети. На момент судебного решения Google оцифровал лишь небольшую часть 550 млн книг, в настоящее время хранящихся в американских исследовательских библиотеках. В результате осталось пространство для новых предложений по дополнению этого архива и по выходу за пределы схемы Google. Готовятся планы по созданию «цифровой публичной библиотеки Америки», которая включает Библиотеку Конгресса. Национальные библиотеки Норвегии и Нидерландов заняты активной оцифровкой их полных собраний книг, газет, фотографий, радио- и телепередач. Наконец, и сам Google провел переговоры по условиям «совместного проживания» с несколькими национальными библиотеками Европы.

Легко представить разветвление и глобальное объединение подобных трансграничных схем. Если бы удалось достичь такого результата, благодаря библиотекам-участникам решетчатая сеть универсума книг открылась бы многим сотням миллионов человек, живущих в самых разных частях света. Можно было бы подумать, что в подобной перспективе нет ничего нового. Ведь, если следовать такому возражению, со времен Гуттенберга книги не знали границ. Их часто сравнивали с пчелами, переносящими пыльцу идей и чувств от одного читателя к другому, на большие расстояния; также (в XIX в. это был весьма распространенный мотив) их уподобляли компасам и телескопам, секстантам, морским картам и маякам, без помощи которых людям не обойтись, когда надо проложить путь в опасных морях. Говорили, что дома без книг — это как комнаты без окон. Считалось, что книги не ограничены лингвистическими или национальными различиями; авторы представляли, что сами они связаны невидимыми нитями с другими авторами, поскольку все они являются участниками международной республики словесности; издатели заключали договора с книготорговцами в самых разных странах; а переводчики позволяли текстам родиться в новой форме для читателей, не знакомых с языком,

на котором они были изначально опубликованы. Все это так, однако предпринятые в начале XXI в. попытки развить и популяризовать цифровые книги — неотъемлемая часть именно эпохи коммуникационного изобилия. Эти первые эксперименты, целью которых является доступность книг, несут в себе неслыханную идею: одна и та же книга (а также копия газеты, радио- или телепрограммы) должна быть в открытом доступе одновременно для читателей и аудитории как богатейших городов, так и беднейших поселений Южной Африки, для студентов университетов Гонконга, Тель-Авива, Чикаго и Монтевидео, но также для любителей книг и бульварного чтения, проживающих в столь разных местах, как захолустные городки Австралии, деревни Индии и Пакистана или высотные многоквартирные комплексы Бангкока и Джакарты.

НОВАЯ ПУБЛИЧНОСТЬ

Вернемся к политическим последствиям незавершенной коммуникационной революции, поскольку в ней есть и второй заметный тренд, пока упоминавшийся нами лишь мимоходом: коммуникационное изобилие вызывает споры среди граждан и их представителей об определении и этико-политическом значении разделения публичного и частного. Публичность ныне обращена на все личное; область, которая ранее называлась «приватной», становится предметом публичных споров; вырабатываются реакции, призванные защитить «приватное». В условиях коммуникационного изобилия постоянно ведутся битвы вокруг неприкосновенности частной жизни — некоторые из них завершаются победой, но не все. Частные лица, омываемые океаном информации, которая стала портативной и легко воспроизводимой, практикуют искусство выборочного обнаружения и сокрытия некоторых деталей личной жизни; общим местом стала обеспокоенность неприкосновенностью частной жизни; решения о том, выдавать ли другим свои «координаты» и кому именно, остаются подвешенными⁴¹.

Что бы там ни думали о недостатках всего этого процесса, набеги на территорию частной жизни и ее «разоблачения» го-

⁴¹ *Nippert-Eng C. Islands of Privacy: Selective Concealment and Disclosure in Everyday Life. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2010.*

ворят не только о том, что граница публичного и частного стала источником постоянных правовых, политических и этических споров. Разногласия по поводу частности оказывают долговременное положительное воздействие: они учат граждан тому, что личное — это политическое, что область частного, некогда скрытая от глаз и ушей других людей, и при этом все еще считающаяся многими необходимой для того, чтобы можно было сделать нечто рискованное и даже сомнительное, на самом деле включена в сферы власти, в которых укрываются мошенники, творя несправедливость. Ушли в прошлое времена, когда частность могла считаться чем-то «естественным», неким заранее данным основанием или субстратом для само собой разумеющихся впечатлений и значений. Более поколения назад моравский философ Эдмунд Гуссерль именно так думал о «мире повседневной жизни» (*Lebenswelt*). Он предполагал, что повседневные взаимодействия людей в типичном случае определяются привычкой. Повседневная жизнь обладает явным «априорным» качеством. Это социальное взаимодействие, определяемое актами эмпатии между людьми, которые верят другим и ожидают от них, что они будут вести себя примерно так же, как они сами. Интерсубъективность структурируется бесспорными предпосылками взаимного знакомства. Актеры исходят из «естественной установки» по отношению к самим себе и к миру вокруг них; они взаимодействуют, опираясь на принятую за данность веру в то, что их модус отношения к вещам и поступков «естественным» образом разделяется и другими⁴².

Этот способ осмысления повседневного мира, сколь бы правдоподобным он ни казался в прошлом, сегодня является устаревшим. Те, кто все еще думают о повседневной жизни как о преграде для внешнего мира или даже как безопасной и закрытой гавани свободы в мире, где господствуют огромные сильные институты, просто потеряли контакт с реальностью. А она указывает на то, что повседневная жизнь более не явля-

⁴² Husserl E. *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology* / transl. by D. Carr. Evanston, IL, [1936] 1970 (рус. пер.: Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004). Ср. логику анализа современных трендов в сборнике: *Technology and Privacy: The New Landscape* / P. Agre, M. Rotenberg (eds). Boston, MA: Harvard University Business Press, 1997, и особенно: <http://polaris.gseis.ucla.edu/pagre/landscape.html>

ется субстратом самоочевидных вещей и людей, которым безоговорочно доверяют. Например, в эпоху коммуникационного изобилия пользователи Интернета обнаружили, что их личные данные стали топливом для быстро развивающейся в сети рыночной экономики; традиционные методы соотношения рекламы с интересами людей быстро замещаются миром, структурированным цифровыми «куками», небольшими кусочками программного кода, которые устанавливаются на персональные компьютеры и действуют в качестве уникальных идентификаторов веб-страниц, посещаемых пользователями, — они могут хранить отслеженную информацию, составляя таким образом общую картину демографических характеристик и интересов пользователей, которая крайне ценна для таких компаний, как Facebook и Google, а также для их рекламных клиентов. «Десилосование» (как они говорят) личных данных позволяет рекламодателям точно отслеживать пользователей; коллективный иск против Facebook, урегулированный до суда, показал, что «лайки», оставляемые пользователями, могут использоваться для «спонсируемых историй» (рекламных объявлений) при маркетинге тех или иных продуктов⁴³. Подобные тактики являются частью постоянно углубляющегося тренда: никакие частные дела и личные подробности не могут теперь находиться вне поля зрения средств информации, т.е. они не могут быть обнесены кордоном, защищающим их от освещения в медиа. Чем более «частным» является тот или иной жизненный опыт, тем больше «публичной известности» он, судя по всему, получает, особенно когда речь идет о вопросах вкуса и потребления, о сексе и насилии, рождении и смерти, личных надеждах, страхах, мошенничестве и трагедии. Похоже, что мы в XXI в. опять живем как при дворе Людовика XVI, т.е. в мире, в котором утреннее пробуждение (*le lever*) и укладывание в постель (*le coucher*), как и другие подробности личной жизни короля, считались «публичными» событиями, пробуждавшими у всех, кто были их свидетелями, чувство неимоверного удивления (в азиатских придворных обществах, например в имперской Японии, монархия которой

⁴³ См.: *Sengupta S.* On Facebook, “Likes” Become Ads. <www.nytimes.com/2012/06/01/technology/so-much-for-sharing-his-like.html?_r=0>. См. также: *Levine D.* Facebook “Sponsored Stories” Class Action Settled. <www.huffingtonpost.com/2012/05/22/facebook-sponsored-stories-class-action-settlement_n_1537182.html>.

была импортным продуктом, завезенным из Европы Нового времени, публичное пространство также определялось в качестве придворного домохозяйства правителя, чей «частный», как мы могли бы подумать, мир, считался достойным показа заинтересованным и подчас восторженным людям⁴⁴).

Сравнение наших времен с эпохой Людовика XVI, конечно, слишком вольное; однако трудно сомневаться в том, что в современных обществах, насыщенных медиа, частная жизнь становится все менее частной. Правительственные агентства создают системы сетевой фильтрации контента; устанавливают секретные приборы наблюдения, анализирующие интернет-трафик; накапливают горы данных и участвуют в широкомасштабных программах интеллектуального анализа жизни граждан; отслеживают точное месторасположение частных лиц с точностью до секунды, используя новейшие техники, известные под названием «трилатерации». В то же время цифровые идентичности частных лиц изучаются и отслеживаются компаниями. Личные данные — большой бизнес. Набирают обороты техники «захвата данных». Мы живем в экономике слежения, в которой компании — брокеры данных и торговцы информацией собирают, а затем продают другим компаниям, в том числе рекламным, сотни и тысячи детализированных сведений о потребительских паттернах, расовой и этнической идентичности, проблемах со здоровьем, социальных сетях и финансовых обстоятельствах большинства людей, заходящих в Интернет. В то же время дешевые и удобные методы воспроизведения информации и доступа к портативным сетевым инструментам коммуникации определяют эпоху медийного гиперпокрытия, в которой мы теперь живем. Все происходящее в кулуарах власти, начиная со спальни и ванны и заканчивая советами директоров и полями сражений, — все это моментально подхватывается медиа. Одним щелчком переключателя или нажатием кнопки на камере мир приватного внезапно становится публичным. Немедиатизированная приватность осталась в прошлом.

Это времена, когда частная жизнь знаменитостей — их любовные истории, вечеринки, здоровье, ссоры и разводы — становится предметом интереса и фантазий миллионов людей.

⁴⁴ *Fujitani T. Splendid Monarchy: Power and Pageantry in Modern Japan. Berkeley, CA; L.: University of California Press, 1996.*

Благодаря таким жанрам, как Twitter, телевизионные ток-шоу и радиопередачи, на которые звонят слушатели, мы наблюдаем бесконечную процессию «обычных людей», которые публично обсуждают то, что волнует лично их или, напротив, оставляет их безучастными. Мы живем во времена, когда миллионы людей считают, что могут совершенно свободно говорить о своих частных страхах, фантазиях, надеждах и ожиданиях, действуя так, словно они — знаменитости, выставляющие свои личные душевные переживания в Facebook. Мы живем в эпоху, когда вещи, сделанные «в частном порядке», становятся громкими публичными историями. Сегодня на так называемом реалити-телевидении плановую послеобеденную программу могут прервать, чтобы показать нам вооруженного озлобленного человека: он взял заложника, он направляет пистолет на самого себя, стреляет в полицейских — и все это в прямом эфире, который ведут с новостного вертолета или передвижной телевизионной станции. Бывают моменты, когда граждане делают то же самое самостоятельно, как, например, было с женщиной, которая выкрикивала расистские комментарии в битком набитом лондонском трамвае, и ее засняли, а потом выложили ролик в сеть. После того как ролик с ней стал в Twitter вирусным, его за неделю посмотрело около 10 млн зрителей. Это времена, когда то, что раньше обходилось молчанием, например совращение детей священниками Римской католической церкви, выставляется газетами и другими медиа на всеобщее обозрение — не без помощи жертв, которым удается получить подробную информацию о своих мучителях, иногда совершенно случайно, благодаря новым средствам коммуникации. Наш век — это эпоха, когда приватно снятые кадры доказывают, что солдаты в зонах военных действий стреляли по своим, пытали пленных, лишали невинных гражданских лиц жизни, насиловали женщин и запугивали детей.

Глубокое проникновение культуры и практик коммуникационного изобилия в повседневную жизнь заметно и по другим признакам. Коммуникационное изобилие, питаемое агрессивными стилями журналистики, ориентированными на подсматривание, а также простыми в использовании портативными медиаинструментами, разрушает свойственную раннему Новому времени европейскую посылку, согласно которой частная собственность, рыночные условия, домашняя жизнь, эмоции и

такие биологические события, как рождение и смерть, — нечто данное или богоданное. Все эти аспекты жизни ныне утрачивают свою «естественность». Становится очевидной их условность; порой они выступают предметом публичного расследования и политических действий. По той же самой причине коммуникационное изобилие не оставляет камня на камне от более древнего, исходно греческого убеждения в том, что демократическая публичная жизнь требует дополитических оснований, немногословной частной жизни (или, если использовать греческий термин, «идиотию»), которая характерна для «ойкоса», т.е. пространства домохозяйства и рыночной жизни, в котором производятся, распределяются и потребляются продукты, удовлетворяющие основные жизненные потребности. В эпоху насыщения медиа приватность той области, что называется частным рынком, сходит на нет. Несправедливости и неравенства, скрываемые рынком, больше не считаются необходимыми или неизбежными, раз они якобы никого не касаются.

Так же, как и демократизация информации, деприватизация и демократизация приватного потенциала повседневной жизни — сложный и в высшей степени спорный процесс. Он подрывает устоявшиеся очевидности и предпосылки, которые некогда казались «естественными». Однако при том что предположительно априорные качества повседневной жизни ставятся под вопрос и критикуются, развивается и обратная реакция на весь процесс в целом. Появляется все больше политических возражений на разрушение приватности. Некоторые наблюдатели заявляют, расширяя и переворачивая стереотип XVIII в., что коммуникационное изобилие лишает граждан их идентичности, поэтому оно похоже не на богиню свободы, а на суккуба, демона в женском облике, который, как считалось, насилует спящих мужчин, собирает их сперму и передает ее другим женщинам. Используя другие метафоры, некоторые обличают растущее давление, заставляющее выдавать секреты о частной жизни, называя его «тоталитарным»⁴⁵. Другие критики говорят

⁴⁵ См., например, комментарий Жака Деррида: «У меня есть вкус к секрету, который, очевидно, связан с желанием ничему не принадлежать; меня охватывает страх, когда я сталкиваюсь с политическим пространством, например публичным, в котором нет места для секрета. Для меня требование выставить все на публичной площади и уничтожить любой внутренний форум — это более чем очевидный признак “тоталитариза-

об этом иначе, разоблачая хищнические инстинкты чрезмерного освещения деталей частной жизни в медиа; обвинение в медиаубийстве — проблема, впервые отчетливо сформулированная в книге Джанет Мальколм «Журналист и убийца», — нередко становится лейтмотивом медиасобытий, например, когда публично отслеживались все подробности смерти принцессы Дианы, ставшей следствием того, что за ее скоростным автомобилем пытались угнаться так называемые папарацци⁴⁶. Тогда как другие критики, ощущающие, что частная жизнь совершенно необходима для формирования здорового самопонимания, принимают решение *не* публиковать твиты, *не* покупать смартфон или *не* использовать электронную почту. Тот же смысл несут в себе разные явления: обращенные к журналистам призывы уважать частную жизнь других людей, повышать свои этические стандарты и не пренебрегать моральным самоограничением, определяющимся устоявшимися кодексами поведения; критика спама и других типов докучливых сообщений; схемы резервирования данных (предлагаемого такими компаниями, как Reputation.com), которые позволяют частным лицам за определенную сумму хранить свои приватные данные и управлять ими; наконец, судебные разбирательства, нацеленные на то, чтобы закрыть для журналистов возможность неограниченного копания в личных данных, каковое, к примеру, вскрылось в спорах вокруг «хакерского» скандала 2011–2012 гг. в издании Мердока

ции” демократии» (*Derrida J., Ferraris M. A Taste for the Secret / G. Donis, D. Webb (eds). Malden, MA: Blackwell, 2001. P. 59*).

⁴⁶ См., например: *Brown T. The Diana Chronicles. N.Y.: Doubleday, 2007*. Этические опасности подглядывания медиа за личными подробностями жизни других были описаны в работе Джанет Мальколм (*Malcolm J. The Journalist and the Murderer. N.Y.: Vintage, 1990. P. 1*), где профессиональный журналист рассматривается как «своего рода мошенник, который охотится за людьми, пользуясь их тщеславием, невежеством или одиночеством, завоевывает их доверие, а потом бессовестно предает их. Подобно доверчивой вдове, которая однажды просыпается и узнает, что очаровательный молодой человек исчез вместе со всеми ее сбережениями, герой той или иной журналистской истории, давший на нее согласие, оказывается, когда книга или статья выходит, наедине с жестоким уроком, который ему предстоит выучить. Журналисты оправдывают свое коварство по-разному, в зависимости от темперамента каждого из них. Более пафосные говорят о свободе слова и “праве общества знать”; наименее талантливые говорят об Искусстве; самые приличные бормочут о том, что им нужно зарабатывать на жизнь».

и громкой (хотя и безуспешной) апелляции, направленной в Европейский суд по правам человека Максом Мосли, призвавшим к ответу британскую газету «News of the World» за передовицу, в которой рассказывалось, что он участвовал в «грязной нацистской оргии с пятью шлюхами»⁴⁷.

Между тем некоторые критики деприватизации публично призывают юридически закрепить право граждан удалять все следы их прошлой «частной» коммуникации с другими, накопившиеся вплоть до сего дня. Цифровые коммуникационные технологии рассматриваются в этом случае как обоюдоострый меч: хотя индивиды всю пользуются коммуникационным изобилием, их жизням могут нанести вред оцифровка, дешевые хранилища информации, простота поиска отдельных ее составляющих, глобальный доступ и все более мощные программные средства — все это вместе увеличивает опасности навеки сохраняющейся цифровой памяти о нашей частной жизни, например, старой информации, вырванной из контекста, компрометирующих фотографий или сообщений, к которым могут получить доступ работодатели или политические враги. По мнению этих сторонников неприкосновенности частной жизни, если изобретение письма позволило людям многие поколения и годы хранить воспоминания, коммуникационное изобилие — это нечто совершенно другое: оно представляется потенциальной угрозой для нашей индивидуальной и коллективной способности забы-

⁴⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу «Мосли против Великобритании» (European Court of Human Rights (Fourth Section), Case of Mosley vs. United Kingdom (Application No. 48009/08; Strasbourg, 10 May 2011), § 131–132. Ссылаясь на ст. 8 и 10 Европейской конвенции по правам человека, суд признал фундаментальное значение ситуаций, в которых «ставшая предметом спора информация имеет частную или личную природу, а потому общество не заинтересовано в ее распространении». Также он отметил, что «частные жизни таких людей, выставляемые на всеобщее обозрение, стали весьма прибыльным товаром для отдельных секторов медиа». Суд тем не менее предупредил об «отрицательном воздействии» требования предварительного уведомления и снова утвердил принцип, который применялся к этому конкретному делу, а именно: «публикация новостей» о людях, занимающих публичные посты, «служит расширению спектра сведений, доступных обществу». В заключении напоминалось об «ограниченном числе возможностей» применения «ограничений свободы прессы в случае публикации материала, который вносит вклад в спор по вопросам, интересным для общества в целом».

вать вещи, которые должны быть забыты. Прошлое становится вечно настоящим, которое можно воспроизвести одним щелчком переключателя или нажатием кнопки. Эта линия критики предполагает, что проблема цифровых систем не только в том, что они помнят вещи, которые иногда лучше забыть. Она еще и в том, что они мешают нашей способности принимать взвешенные решения, не отягощенные грузом прошлого⁴⁸. В то же время, занимая похожую позицию, новое поколение технически грамотных активистов, защищающее неприкосновенность частной жизни и связанное с такими сетевыми организациями, как Privacy International и Open Rights Group, запустило ряд публичных программ, например, в защиту более строгого применения правил, определяющих сроки действия тех или иных данных, за развитие технологий по защите частной жизни (так называемых PЕТ), а также против некоторых явлений — публично доступной геопространственной информации о частных жилищах; правительственных инициатив по регулированию доступа к сильной криптографии; корпоративного злоупотребления базами данных о клиентах; нерегулируемой прослушки и хакерских подразделений медийных организаций⁴⁹.

Все эти процессы, сфокусированные на «праве на неприкосновенность частной жизни», подтверждают то, что коммуникационное изобилие выявляет неустойчивость и глубочайшую амбивалентность разделения публичного и приватного, которое, если говорить на языке философии, защищалось как священная первооснова либеральными мыслителями XIX в., например английским автором политических сочинений и парламентарием Джоном Стюартом Миллем или крупнейшим немецким философом свободы Вильгельмом фон Гумбольдтом⁵⁰.

⁴⁸ Mayer-Schönberger V. Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age. Princeton: Princeton University Press, 2011.

⁴⁹ Technology and Privacy...

⁵⁰ Mill J.S. On Liberty // Mill J.S. Essays on Politics and Society / J.M. Robson (ed.). Toronto, Buffalo: University of Toronto Press / Routledge & Kegan Paul, [1859] 1977. P. 213–310 (рус. пер.: Милль Д.С. О свободе // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. М.: Прогресс-Традиция, 2000); Humboldt W. von. Of the Individual Man and the Highest Ends of His Existence // Humboldt W. von. The Limits of State Action. L., N.Y.: Cambridge University Press, 1969. P. 16–21 (рус. пер.: Гумбольдт В. Рассмотрение отдельного человека и высших, конечных целей его существования // Гумбольдт В. О пределах

Их требование обязательно четко отделять «приватное» (считающееся областью эгоистичных действий) от «публичного» (т.е. сферы действий, затрагивающих других) больше не выглядит реалистичным. В эпоху коммуникационного изобилия частная жизнь, определяемая как способность индивидов контролировать то, какую именно часть своей жизни они показывают другим, т.е. их «право на то, чтобы остаться в одиночестве»⁵¹, трактуется в качестве весьма сложного и ставшего предметом общественного обсуждения права. Споры о неприкосновенности частной жизни и «вторжении» в нее давно приобрели политическое значение. В них подчеркивается, прежде всего, растущее общественное понимание изменчивого и обратимого характера различия публичного и приватного, которое уже нельзя прочесть однозначно, как хотелось бы многим либералам Европы XIX в., т.е. в качестве бинарной оппозиции, отлитой в граните, или в качестве божественной и таинственной ценности. Благодаря коммуникационной революции нашего времени различие приватного и публичного стало считаться ценным, но амбивалентным наследием былых времен.

Сфера «приватного» рассматривается в качестве хрупкого «временно спокойного места»⁵², которое обычно служит убежищем, где можно укрыться от вмешательства других, но при этом оно может выступать убежищем и для мошенников. Иначе говоря, коммуникационное изобилие демонстрирует глубинную двусмысленность, таящуюся в самом различии приватного и публичного. Оно побуждает отдельных людей и группы гражданского общества проявлять большую гибкость в рассуждениях о приватном и публичном, а также больше учитывать контекст этих категорий. Граждане вынуждены осознать то, что их «частные» суждения по вопросам общественной важности могут отличаться и от актуально существующих, и от желательных норм, разделяемых обществом. Также они учатся согла-

государственной деятельности. Челябинск: Социум; Москва: Три квадрата, 2003).

⁵¹ См. часто цитируемую статью Уоррена и Брандейса: *Warren S.D., Brandeis L.D. The Right to Privacy // Harvard Law Review. 15 December 1890. Vol. 4. No. 5. P. 193.*

⁵² *Rorty R. Introduction: Pragmatism and Philosophy // Rorty R. Consequences of Pragmatism. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1982. P. xiii–xlvi.*

шаться с тем, что бывают времена, когда неприятная публичная огласка «частных» действий (или их «раскрытие») является вполне оправданной, например, когда речь идет о лживых политиках, людях, вероломно играющих на собственных сексуальных предпочтениях, или даже руководителях (итальянский пример — Берлускони), отчаянно стремящихся доказать свою мужественность⁵³. Наконец, граждане начинают понимать, что некоторые вещи наверняка лучше оставить в тайне. Они учатся тому, что бывают моменты, когда неприкосновенность частной жизни (некоторые вопросы — не дело других; индивиды и группы должны иметь право не выступать свидетелями по собственным поступкам и не комментировать их) оказывается весьма ценным наследием. Вот почему они поддерживают сохранение «приватного» статуса некоторых областей социальной и политической жизни — так, например, журналисты стремятся защитить анонимность своих источников, а некоторые общественные кампании выступают против использования государством камер для скрытого видеонаблюдения и других методов неразрешенного наблюдения.

НОВОЕ МАКРЕКЕРСТВО

Наряду с демократизацией доступа к информации и политизацией различия публичного и приватного есть еще и третий демократический тренд, заслуживающий упоминания, — активная деятельность граждан, журналистов и контролирующих институтов, которая сводится к закидыванию органов власти «разоблачениями» и фактами, требующими «публичной огла-

⁵³ Поскольку в распоряжении судей оказались свидетельства того, что премьер-министр Сильвио Берлускони был замешан в деятельности сети проституток (в том числе записи, полученные путем прослушки, на которых он хвалился, что был «премьер-министром только в свободное время», а также жаловался на то, что надо сократить поток женщин ввиду «ужасной недели», когда ему предстояло повстречаться с такими лидерами, как папа Бенедикт XVI, Никола Саркози, Ангела Меркель и Гордон Браун), он выступил с собственной защитой в письме в миланскую газету «Il Foglio», главный редактор которой работал министром в одном из его прежних правительств: «Я не сделал ничего такого, за что мне должно быть стыдно... Моя частная жизнь — это не преступление, нравится вам мой стиль жизни или нет, это мое личное дело, касающееся только меня, а потому к нему не может быть претензий» (17 сентября 2011 г.).

ски». Этот третий тренд можно назвать макрекерством, если использовать этот чудесный американизм — неологизм, возникший в конце XIX в., и обозначающий новый стиль журналистики, занятой публичным разоблачением коррупции⁵⁴. Такие авторы, как Линкольн Стеффенс, Ида Тарбелл и Джейкоб Риис, называли себя общественными журналистами, пишущими для публики, жадной до фактов из жизни Америки тех времен. Вполне в соответствии со значением термина «макрекер» они не считали частную жизнь какой-то священной ценностью. Они полагали, что частные жизни богатых и власть имущих должны получить публичную огласку, если это имеет хоть какое-то значение для «общественных интересов». Ради этого они использовали новые методы расследования, например, интервью; несмотря на протесты (их часто ругали, называя сплетниками и прилипалами), они сумели воспользоваться обусловленным рекламой ростом тиража газет, журналов и книг, а также массовыми, более дешевыми методами производства и распространения и стали писать длинные, весьма подробные статьи и даже целые книги, в которых излагались сенсационные факты о темных коррупционных делишках в правительстве, растрате средств, махинациях в сфере бизнеса и социальном разложении.

Одна из представительниц этого направления, родившаяся в Пенсильвании журналистка, Нелли Блай (1864–1922) (илл. 5) совершила смелый, но опасный поступок: по заданию руководимой Джозефом Пулицером газеты «New York World» она притворилась сумасшедшей, чтобы опубликовать впоследствии репортаж из женской психиатрической лечебницы, написанный под прикрытием. Другие макрекеры открыто бросали вызов воротилам мира политики и бизнеса. Они готовы были заплатить любую цену, лишь бы поставить под вопрос промышленный прогресс. Макрекеры набросились на алчность, обманы и низкие стандарты в области государственного здравоохранения и страхования. Они обличали детский труд, проституцию и алкоголизм. Они взывали к обновлению городской жизни, которое должно было бы покончить с трущобами в городах. К 1905 г. макрекеры стали силой, с которой приходилось считаться, что

⁵⁴ Keane J. *The Life and Death of Democracy*. L.; N.Y.: W.W. Norton, 2009. P. 341–347.

Илл. 5. Нелли Блай (псевдоним Элизабет Кокрейн Симан), около 1890 г., фотография Г.Дж. Майерса

было доказано Уильямом Рандольфом Херстом, который купил журнал «Cosmopolitan»; заслуженный репортер этого издания Дэвид Грэм Филипс тут же начал публиковать серию статей под названием «Предательство сената», в которых сенаторы предстали ничтожествами, поскольку изображались как пешки промышленников и финансистов, как люди, подорвавшие принцип, согласно которому представители должны служить всем своим избирателям.

В эпоху коммуникационного изобилия новые макрекеры продолжают развивать все эти темы, обращая внимание на вечную проблему, решением которой является демократия, а именно на то, что власть элит всегда любит тайну, молчание, покров темноты. В их обычае — собираться за закрытыми дверями и решать свои дела полюбовно, между собой. Неудивительно, что в обществах, насыщенных медиа, «неожиданные» утечки и разо-

блечения парадоксальным образом становятся предсказуемым обыденным явлением. Обыденная жизнь постоянно прерывается медийными «событиями»⁵⁵. Они ставят под вопрос и законные дела, и незаконные. Дело не только в том, что случаются разные вещи; поскольку есть потребители медиа, обязательно должно случиться нечто плохое. Макрекерство процветает. В иные моменты возникает ощущение, что вообще всем миром правят негодяи.

Макрекерство оказывает заметное политическое влияние на стандартные институты представительной демократии. Можно утверждать, что оно углубляет и так уже достаточно значительные разрывы, открывшиеся между партиями, парламентами, политиками и доступными средствами коммуникации. В последние десятилетия накопленные данные опросов указывают на то, что граждане во многих стабильных демократических странах хотя и безусловно поддерживают демократические идеалы, меньше доверяют политикам, больше сомневаются в институтах правления и чаще разочаровываются в лидерах общественного сектора⁵⁶. Паттерны разочарования общества в официальной «политике» во многом связаны с практикой макрекерства в условиях коммуникационного изобилия. Политики теперь — это легкая добыча. Ограниченное освещение деятельности парламентов в медиа и их уязвимость для СМИ поражают. Несмотря на попытки взять в свои руки новые цифровые медиа, партии в этом деле часто проявляли неловкость; они не владеют своими медийными рупорами и не контролируют их, т.е. они утратили почти всю удивительную энергию, которую в конце XIX в. демонстрировали такие политические партии, как Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), которая в те времена была величайшей партийной машиной на Земле. Одной из основных причин ее успешности было то, что она выступала в качестве активного защитника распространения грамотности и ведущего издателя книг, памфлетов и газет, отстаивающего свою собственную линию.

Общее следствие заключается в том, что в условиях коммуникационного изобилия основные институты представитель-

⁵⁵ *Badiou A. Being and Event. N.Y.: Continuum, 2005.*

⁵⁶ *Norris P. Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited. N.Y.: Cambridge University Press, 2011.*

ной демократии становятся легкими мишенями для нападок. Вспомните о любом современном публичном споре, который привлекает широкое внимание: порождаемые им новости и комментарии обычно берут начало за пределами формальной машины представительной демократии. Сообщения становятся мемами, которые быстро передаются многими организациями, следящими за деятельностью власти, — большими, средними и малыми. В мире коммуникационного изобилия подобная решетчатая или сетевая схема распространения спорных сообщений является типичной, а не исключительной. Она постоянно создает эффекты обратной связи, т.е. непредсказуемые нелинейные связи между поступающими сигналами и результирующими. Этот тренд приводит к устареванию некогда влиятельных в поле политических коммуникаций установок, в частности тезиса, утверждающего, что демократии определяются «эффектами присоединения к большинству», «стадным поведением» и «спиралью молчания», которые обусловлены страхом изоляции от остальных граждан⁵⁷. Вирусные факторы общественного контроля оказывают глубокое влияние и на государственные институты старой представительной демократии, которые оттесняются сетью медиатизированной критики, часто попадающей в цель, причем иногда с большого расстояния и благодаря эффекту бумеранга.

Рассмотрим несколько примеров макреккерства 12-месячного медийного цикла (2008–2009) в демократических странах: в законодательном собрании Флориды мужчина-законодатель замечен за просмотром порнографии в Интернете, когда его коллеги обсуждали вопросы аборта. Во время жесткой кампании перед президентскими выборами в США один из кандидатов (Барак Обама) переключается в режим сглаживания отрицательных последствий после того, как назвал одну журналистку «дорогушей» (*sweetie*); он отправляет ей извинение по голосовой почте: «Я достаточно наказан». В Японии матерый политик (Масатоси Вакабаяси) был вынужден подать в отставку и по-

⁵⁷ Влиятельный тезис, гласящий, что общественное мнение — это одиночество, вывернутое наизнанку, был всесторонне развит в классической работе Элизабет Ноэль-Нойман: *Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence. Public Opinion: Our Social Skin.* Chicago; L.: University of Chicago Press, 1984 (рус. пер.: *Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания.* М.: Прогресс-Академия, 1996).

кинуть парламент после того, как попал на камеру в тот момент, когда нажимал на кнопку для голосования за своего коллегу-парламентария, который до этого покинул помещение; неудачливый законодатель, который, очевидно, полагал, что сидит в слепом пятне камер, позже признался, что нарушил парламентские правила: «Я был неправ. Это было непростительно, и мне хотелось бы принести извинения»⁵⁸. Во время государственного визита в Чили президент Чешской Республики попал в кадр, когда на церемонии подписания сунул себе в карман золотую шариковую ручку. В Финляндии заслуженного политика сместили посредством мобильного телефона — его приватные СМС-сообщения получили публичную огласку. В результате министр был вынужден уйти в отставку. Это случилось в апреле 2008 г., когда журнал «Нуту» обнародовал информацию о том, что министр иностранных дел Илкка Канерва отправил несколько сотен СМС-сообщений, в том числе и скабрзных, танцовщице эротических танцев, которая сначала продала сообщения журналу, а затем не смогла оспорить судебный запрет на их публикацию. Министр безуспешно пытался оправдываться, заявив: «Я не стал бы так говорить в воскресной школе, однако это все же не нечто из ряда вон выходящее». В эпоху коммуникационного изобилия ручные камеры Sony постоянно используются закадровыми репортерами и просто любителями, которые снимают видео и ведут блоги, освещающие жизнь политиков, — вне студии и без сценария. Именно это происходило в последние годы во Франции; если судить по видеоролику, быстро загруженному на сайт LeMonde.fr, министр внутренних дел (Брис Ортефё) согласился сфотографироваться с молодым арабом из группы поддержки, а на шутку зеваки о «маленьком арабе» как символу интеграции ответил абсолютно искренне: «Нужно, чтобы был один араб. Когда он один, все хорошо. Но когда их куча, появляются проблемы».

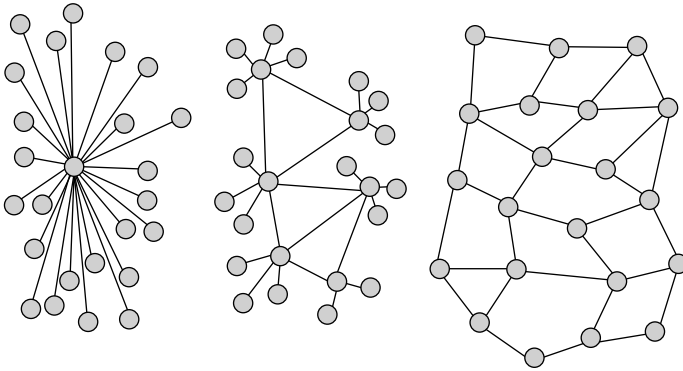
Под удар попали не только избранные политики и формальные политические институты. В условиях коммуникационного изобилия кажется, что ни одна организация и ни один руководитель в правительстве, бизнесе или общественной жизни не защищены от политических проблем. Все это нашим прапраде-

⁵⁸ *Martin A. Wakabayashi Exits Diet due to Illicit Votes // Japan Times. 2010. 3 April.*

дам показалось бы проявлением удивительной демократизации. И, несомненно, все это ставит под вопрос паникерские теории современных медиа, стремящиеся убедить нас в том, что демократия обречена, поскольку «медиа» «отупляют» или же «развлекают до полного бесчувствия» граждан, фабрикуя низкопробную и даже опасную продукцию. В этом пессимизме заключено фундаментальное заблуждение: он упускает из виду скандальность, грубость, беспорядочность коммуникационного избытия, его склонность будоражить публику, выставляя на всеобщее обозрение неявные формы дискриминации и несправедливости.

Но кто или что движет всем этим макрекерством? Конечно, дело тут не только в технических свойствах носителя информации — вопреки мнению тех, кто верит в магические силы технологии. Отдельные люди, группы, сети и целые организации — вот кто занимается макрекерством. Однако в инфраструктуру коммуникационного избытия встроены технические качества, которые позволяют макрекерам выполнять свою работу по общественному контролю властей. Как мы уже отмечали, с конца 1960-х годов инновации в области продуктов и процессов шли практически во всех сферах все более коммерциализирующихся медиа, что было обусловлено техническими факторами, такими как электронная память, более плотное разнесение каналов, распределение новых частот, прямое спутниковое вещание, цифровая настройка и передовые техники сжатия информации⁵⁹. Все эти технические факторы оказали огромное влияние, однако в инфраструктуре коммуникационного избытия есть особая черта, связанная с его распределенными сетями. В противоположность, например, централизованным системам государственного вещания прошлых времен благодаря паутиным ссылкам между многими узлами в распределенной сети повышается внутренняя устойчивость последних по отношению к централизованному контролю (илл. 6). Сеть работает по принципу коммутации пакетов: потоки информации проходят

⁵⁹ Анализ базовых вопросов см. в работах: *Castells M. The Rise of the Network Society*. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishers, 1998. Ch. 5; *Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2003 (рус. пер.: *Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*. Екатеринбург: У-Фактория, 2004); *Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity Press, 2012.

Илл. 6. Централизованные, децентрализованные и распределенные сети

Источник: Джованни Наварриа.

через многие связанные решеткой узлы на пути к своему пункту назначения. Эти потоки, которые сначала разбиваются на биты и затем снова собираются вместе в пункте доставки, легко проходят сквозь цензурные барьеры. Если сообщения блокируются в том или ином пункте решетчатой системы, информация автоматически обходит его, перенаправляется на другой путь к заданной точке назначения.

Эти сетевые, связанные с коммутацией пакетов, качества, обществ, насыщенных медиа, гарантируют то, что сообщения могут приобретать вирусный характер, даже когда они сталкиваются с организованным сопротивлением. Это значит, что общества, насыщенные медиа, склонны к спорам и разногласиям. Некоторые наблюдатели утверждают, что необходимо новое понимание власти как «совместно разделяемой слабости», чтобы осмыслить влияние сетей на распределение власти в том или ином социальном порядке. Этот тезис гласит, что те, у кого есть власть над другими, постоянно подвергаются непредвиденным обратным реакциям, становятся мишенью для возмущения и бунта. Манипуляция безвластными людьми, их прессинг и запугивание — все это становится сложным; не имеющие власти быстро находят средства сетевой коммуникации, при помощи которых они могут отомстить власть имущим. Получить власть, не сдерживаемую никакими противовесами, становится сложнее, и намного проще — ее потерять. Это тренд, при-

мерами которого выступают такие сетевые политические инициативы, как южнокорейский сайт гражданской журналистики OhmyNews, сайт UK Uncut, индийский сетевой сервис I Paid a Bribe («Я заплатил взятку»), американская сеть политических кампаний MoveOn.org Political Action и СМС-активизм того рода, что способствовал смещению филиппинского президента Джозефа Эстрады. Общую формулу этого тренда предложил американский исследователь и активист Клэй Ширки: в сравнении с эпохами, когда господствовали газеты, телеграф, радио и телевидение, эра коммуникационного изобилия — это, как он говорит, время, когда «стало проще действовать группой». Благодаря сетевым коммуникациям и простым инструментам до невиданного уровня выросла гражданская «способность к выражению». Ширки пишет: «Поскольку коммуникационный ландшафт становится более плотным, более сложным, с большим числом участников, а сетевое население имеет теперь все больше доступной информации, оно получает больше возможностей публичного выступления, а его способность к проведению коллективных действий усиливается». Другие говорят о росте стремления к «самоорганизации» и «связном действии», запускаемом верой в то, что «жизнь может быть более кооперативной и децентрализованной, менее зависимой от традиционных моделей организации в рамках государства или большой компании»⁶⁰. Другие же экспериментируют с этим принципом в области партийной политики, например, пытаясь оттеснить основные политические партии методами «текучей демократии». Примерами являются «Движение 5 звезд» Беппе Грилло в Италии и Пиратская партия в Германии. Также можно ука-

⁶⁰ *Navarria G.* Citizens Go Online: Probing the Political Potential of the Internet Galaxy. PhD dissertation, University of Westminster, 2010; *Shirky C.* Here Comes Everybody. L.: Penguin Books, 2008; *Shirky C.* Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age. L.: Penguin Books, 2010 (рус. пер.: *Ширки К.* Включи мозги. Свободное время в эпоху Интернета. М.: Карьера Пресс, 2012); *Shirky C.* The Political Power of Social Media // *Foreign Affairs*. 2011. January/February; Yochai Benkler, цит. по: *Kulish N.* As Scorn for Vote Grows, Protests Surge Around Globe // *New York Times*. 2011. 27 September; *Bennett W.L., Segerberg A.* The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics // *Information, Communication & Society*. 2012. P. 1–30. <<http://ccce.com.washington.edu/about/assets/2012iCS-LCA-Bennett&Segerberg-LogicofConnectiveAction.pdf>>.

зять на исландскую Лучшую партию, которая в 2012 г. набрала достаточно голосов, чтобы войти в управление городского совета Рейкьявика. Причина успеха отчасти заключалась в том, что она пообещала не выполнять ни одного из своих обещаний, т.е. быть открыто коррумпированной, поскольку все остальные партии коррумпированы тайно.

Здесь нужно проявить определенную осторожность, поскольку, повторим еще раз, изменения, вызванные сетевыми инновациями, не являются плодом одного лишь технического проектирования или сетевого коммуникационного изобилия. Часто забывают то, что должно быть самоочевидным: происходящие изменения были запущены комплексом технических и человеческих причин, включая радикальные трансформации в экологии огласки общественных вопросов и их комментирования. Когда началась революция, провозгласившая коммуникационное изобилие, вся медийная инфраструктура, посредством которой производятся и распространяются новости о мировых событиях, стала еще более сложной и запутанной. Теперь она выглядит намного более беспорядочной, так что профессиональная новостная журналистика сегодня — это просто один из многих типов институтов, контролирующих власть. Во всех демократических государствах многие сотни и тысячи контролирующих институтов умело ведут свой бизнес — раскручивают вопросы, связанные с властью, что часто приводит к политическим последствиям. Доклады по правам человека, блоги, суды, сети профессиональных организаций и гражданских инициатив — это лишь несколько примеров механизмов контроля, сопровождения и запугивания, которые на фундаментальном уровне меняют дух и динамику демократии.

Все эти формы общественного контроля расцвели в новой галактике коммуникационного изобилия. Они не просто дают голос тем, кто был его лишен; они порождают эхо. Важным примером выступает испанское движение Los Indignados («Недовольные»), или «Движение 15 мая», которое использовало обширный спектр новых медиаинструментов для отслеживания эпизодов жестокого обращения со стороны полиции, программ по сокращению социального бюджета, случаев конфискации домов, коррупции в кредитно-банковской системе, несправедливых электоральных законов, устаревших парламентских процедур, цензурирования «неудобных» новостей в центральных

медиа, а также для сопротивления всем этим явлениям⁶¹. Политические эффекты подобных движений усиливаются ростом новых агрессивных форм профессиональной и гражданской журналистики. Уходит в прошлое журналистика, гордившаяся приверженностью принципу «комментарии свободны, но факты святы» (это выражение придумал в 1921 г. Ч.П. Скотт, долгое время работавший на посту редактора «Manchester Guardian») и основанной на фактах «объективности», т.е. идеалам, рожденным в эпоху представительной демократии, пусть даже на практике они всегда оставались исключением. Мы видим теперь, как вместо «ритуалов объективности»⁶² распространяются «рекламные» и «прикольные» стили коммерческой журналистики, те жанры письма, которые определяются рейтингами, политическими связями, продажами и посещаемостью. Встречается едкая политическая сатира, иногда просто разящая наповал, вроде той, что была популяризирована в Индии благодаря еженедельному шоу «Poll Khol» на телеканале STAR, в котором роль комедийного ведущего играет мультипликационная обезьяна. Также в нем используются новостные клипы и саундтреки из голливудских фильмов (название программы переводится как «открытые выборы», но на самом деле оно происходит от популярной метафоры на хинди, означающей «открыть тайную историю»). Все эти методы не слишком хорошо совмещаются с разговорами о «честности» (как известном критерии хорошей журналистики, провозглашенном Юбером Бёв-Мери, основателем и первым издателем газеты «Le Monde»). Также мы видим открытые нападки на профессиональную «этаблированную» журналистику, связанные с распространением так называемой гражданской журналистики и анклавами самодельных изданий⁶³. Силы профессиональной и гражданской журналистики

⁶¹ Лучшее описание можно найти в работе: *Feenstra R.A. Democracia monitorizada en la era de la nueva galaxia mediática. La propuesta de John Keane. Barcelona: Icaria, 2012.*

⁶² *Scott C.P. A Hundred Years. 1921, перепечатано в: The Guardian. 2002. 29 November; Tuchman G. Objectivity As Strategic Ritual: An Examination of Newsmen's Notions of Objectivity // American Journal of Sociology. 1972. January. Vol. 77. No. 4. P. 660–679.*

⁶³ *Hartley J. Communicative Democracy in a Redactional Society: The Future of Journalism Studies // Journalism: Theory, Practice & Criticism. 2000. Vol. 1. No. 1. P. 39–47.*

часто пересекаются, и когда это происходит (как в случае «The Guardian»), они явно гордятся своим вкладом в движение макрекерства. Они любят подчеркивать, что отрицательного ответа для них не существует, что их работа — раскрывать вещи, ранее скрытые, сообщать о происходящем, бичевать глупцов и осложнять жизнь лжецам и ворам. Они уверены, что функция журналистики не сводится к удовольствию, ущербу, «объективности» или «сбалансированности». Скорее, ее цель — обнажать язвы, находить слова, чтобы выступить против несправедливости, дать жертвам власти возможность говорить от собственного лица. Иногда они утверждают, что журналистика должна руководствоваться инстинктами хищника, даже если это значит, что будут и жертвы. Порой такие разговоры играют роль всего лишь самооправдания, и (как мы вскоре поймем) следует с большим скепсисом относиться к тому, что многие профессиональные и гражданские журналисты любят выдавать себя за повивальных бабок «истины». Но, если принимать во внимание этот дерзкий стиль независимой журналистики, вряд ли можно удивляться тому, что публичные обвинения в коррупции и мошенничестве стали ныне обычным делом.

Вскоре мы увидим, что новая эпоха коммуникационного изобилия отягощена тенденциями, которые противоречат базовому демократическому принципу, согласно которому у всех граждан есть равное право высказывать свои мнения и периодически устраивать своим представителям взбучку. Такие взбучки и в самом деле устраивают, но в ранее невиданном масштабе и с неслыханной силой. Фигурально выражаясь, коммуникационное изобилие словно нож рассекает все властные связи между правительством, бизнесом и остальной частью гражданского общества. Кажется, что в эпоху медийного насыщения скандалам нет конца; бывают моменты, когда так называемые гейты, т.е. особенно громкие скандалы, выбивают почву из-под ног целых правительств. Частота и интенсивность раскручиваемых медиа «гейтов» изрядно пугают власть имущих; и хотя скандалы могут оказывать отрицательное влияние на дух и институты демократии, они служат трезвым напоминанием о вечной проблеме, с которой сталкивается любая политическая система, а именно о том, что люди во власти всегда стремятся организованно манипулировать теми, кто ниже их и кто с ними на одном уровне.

Вот почему это грязное политическое дело — срывание с власти покровов секретности — сохраняет фундаментальное значение. Не стоит поддаваться искушению и думать, будто общества, насыщенные медиа, с их решетчатými сетями, множественными каналами, трезвомыслящей журналистикой и институтами контроля власти — это пространство с равными правилами игры, как они понимались в демократии. Однако, даже если общества, определяемые коммуникационным изобилием, — это не рай открытого общения, исторические сравнения показывают, насколько это выдающиеся качества: постоянное волнение этих обществ, вечное беспокойство, подзуживаемое сложными медийными сочетаниями различных игроков и институтов, которые постоянно селятся что-то сделать, работая то совместно, то с противоположными целями. Властители обычно стараются определять и решать, кто что, как и когда получает; однако люди, не обладающие властью, пользуясь преимуществами коммуникационного изобилия, следят за руководителями, что иногда приводит к драматическим последствиям или неожиданному успеху.

Вывод в том, что общества, насыщенные медиа, являются крайне конфликтными политическими порядками, в которых, вопреки мнению некоторых пессимистов и пуристов, политика отнюдь не исчезла. Ничто не решено и не определено. Составляя резкий контраст с галактиками коммуникации, которые были структурированы печатным станком, телеграфом, радио и телевидением, общества, насыщенные медиа, значительно облегчают выступления против привычек, предрассудков и властных иерархий. Они пробуждают ощущение того, что люди могут на равных условиях оформлять и изменять свои жизни; неудивительно поэтому, что часто они вносят в этот мир движение. Общества, насыщенные медиа, отличаются отчетливыми «вирусными» качествами. Споры о власти часто начинаются как гром среди ясного неба; они развиваются по непредсказуемым траекториям, порождая удивительные выводы, которые приводят к неожиданным последствиям.

Показательным примером является скандал со взломом телефона, разразившийся в News Corporation в середине 2011 г.: он начался с расследования, проведенного газетой «The Guardian», которое открыло, что принадлежащее корпорации издание «News of the World» взломало голосовую почту 13-летней жертвы

убийства Милли Даулер. Внезапно поднялась волна общественного негодования. Глобальная компания понесла значительные репутационные издержки. Друг за другом последовали несколько событий: арест нескольких руководителей News Corporation; закрытие «News of the World» — издания, просуществовавшего 168 лет; парламентские слушания; публичные извинения Руперта Мердока, председателя и генерального директора компании. Ему пришлось наблюдать, как публика накинулась на его друзей по политике, а его планы по покупке многомиллиардной спутниковой телекомпании British Sky Broadcasting рухнули. Вскоре рекомендация перетрясти управление фирмы поступила со стороны крупнейшей инвестиционно-консалтинговой компании, которая раскритиковала начальников News Corporation за «вопиющие промахи в руководстве и неспособность к самостоятельным действиям», проявленную советом директоров, когда он не смог сделать однозначное заявление по незачисленным бизнес-практикам; также началось публичное расследование культуры, практик и этики британских СМИ, руководимое лордом-судьей Левесоном⁶⁴.

Можно легко вспомнить и о других примерах неожиданно разгорающихся споров о власти. Группам, использующим мобильные телефоны, форумы, рассылки, вики и блоги, иногда вопреки всякой вероятности удается привлечь внимание рассеянной публики к своим противникам. Корпорации становятся мишенью для атак (со стороны хорошо организованных и разбирающихся в медиа групп, таких как Adbusters), поводом для которых выступают их услуги и продукты, инвестиционные планы, отношение к сотрудникам и их влияние на биосферу. Такие занятые мониторингом власти организации, как Human Rights Watch, Avaaz.org, Global Witness и Amnesty International, регулярно делают то же самое, обычно при помощи сетей поддержки, разбросанных по всему земному шару. Существуют такие инициативы, как «Консорциум World Wide Web» (известный как W3C), которые отстаивают всеобщую доступность цифровых сетей. Есть даже организации (например, сеть Democratic

⁶⁴ Материалы, собранные Комиссией Левесона, доступны по адресу: <www.levesoninquiry.org.uk>; см. также: *de la Merced M.J.* Advisory Firm Urges Ouster of Murdoch and His Sons // International Herald Tribune. 2011. 12 October. P. 21; *Watson T., Hickman M.* Dial M for Murdoch: News Corporation and the Corruption of Britain. L.: Blue Rider Press, 2012.

Научное издание
Серия «Политическая теория»

ДЖОН КИН

ДЕМОКРАТИЯ И ДЕКАДАНС МЕДИА

Второе издание

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
АНАСТАСИЯ АРХИПОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Компьютерная верстка
ОЛЬГА БЫСТРОВА

Корректор
ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 13.02.2020. Формат 60×90/16. Гарнитура Minion Pro
Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 17,1. Печать струйная ролевая. Тираж 1000 экз.
Изд. № 2388. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (499) 270-73-59